

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.10

Правильная ссылка на статью:

Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

For citation:

Kuleshova A. V., Podvoyskiy D. G. (2018) Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

А. В. Кулешова, Д. Г. Подвойский ПАРАДОКСЫ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ: ГЕНЕЗИС, ДИАГНОЗ, ТРЕНДЫ

ПАРАДОКСЫ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ: ГЕНЕЗИС, ДИАГНОЗ, ТРЕНДЫ

PARADOXES OF PUBLICATION ACTIVITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SCIENCE: GENESIS, DIAGNOSIS, AND TRENDS

*КУЛЕШОВА Анна Викторовна — кандидат социологических наук, ответственный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» (ВЦИОМ), Москва, Россия; председатель Совета по этике научных публикаций Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), Москва, Россия.
E-MAIL: Kuleshova@wciom.com
ORCID: 0000-0002-6163-5777*

*Anna V. KULESHOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Managing Editor; Chairman, Council of Scientific Publication Ethics
E-MAIL: Kuleshova@wciom.com
ORCID: 0000-0002-6163-5777*

¹ Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Russian Public Opinion Research Center), Moscow, Russia

² Russian Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), Moscow, Russia

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

*E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7396-1828*

Denis G. PODVOYSKIY^{3,4} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor; Leading Researcher

*E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7396-1828*

³ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

⁴ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В последние два десятилетия в российском университетском и академическом мире под влиянием перманентных институциональных трансформаций (и как реакция на них) отмечается появление множества новых поведенческих практик, в том числе в сфере публикационной активности ученых. Реализация «майских указов» президента легитимировала перенос на отечественную почву всех удач и неудач зарубежной наукометрии, дополнительно способствуя интенсификации процессов менеджериализации, бюрократизации и «макдональдизации» как трендов развития российской науки. Возникли отечественные издания-хищники (Predatory Science Journals), а за ними черные и белые списки журналов, потребность в ретрагировании (отзыве от публикации) статей, нарушающих публикационную этику, увеличилось количество текстов в целом, стерлась граница между наукой и ее симуляцией. Опубликованные российскими авторами научные статьи, их качество и количество можно рассматривать как отражение общего и специфического неблагополучия продуцирующего их сообщества, а также как свидетельство разложения традиционной системы социального «воспризнания» научного труда и действовавших в ее рамках репутационных механизмов.

Abstract. As a result of permanent institutional transformations (as well as a response to them), the past two decades have been marked by the appearance of various practices, in particular new publication practices, among Russian researchers. Implementation of the May decrees legitimized the spread of successes and failures of the foreign scientometrics facilitating further managerization, bureaucratization and McDonaldization of the Russian science. It gave rise to the predatory science journals, „black” and „white” journal lists and led to the retraction of the journals which violated the publication ethics; the overall number of articles has increased, while the boundary between science and simulation has wiped out. Academic papers published by Russian authors, as well as their quality and number, point to general and specific problems in the academic community and can be considered as a sign of decay of the traditional system of social „recognition” of scientific paper and the related reputation mechanisms. At a certain point, ethical behavior in the academic field turned out to be unnecessary.

The article is predominantly descriptive and outlines the complex and multifaceted topic that needs a detailed study. The authors examine the situation through the prism of „disease phenomenology”

В какой-то момент этическое поведение в научной сфере оказалось нецелесообразным.

Настоящая статья носит по преимуществу описательный характер, намечая общие контуры сложной и многоаспектной темы, нуждающейся в обстоятельном изучении. Ситуацию, на фоне которой разворачиваются публикационные практики современных российских ученых, авторы анализируют через осмысление «феноменологии болезни», высвечивая ее структурно-институциональные и культурные контексты, выделяя в качестве основных системных проблем публикационной активности бюрократизацию научной деятельности, изменяющиеся темпоральные стратегии жизни ученых, появление новых дилемм, нетипичных для научной деятельности, искаженное понимание наукометрии, деградацию репутационных механизмов, вынужденную необходимость симулирования результатов научного труда и новейшие (в том числе технологические) ресурсы для этой симуляции, смещение ценностных приоритетов и эрозию мотивации в сфере академических занятий.

Ключевые слова: публикационная активность, наукометрия, социология науки, бюрократизация, квантофрения, макдональдизация общества, этика науки

Благодарность. Авторы благодарят Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU, Совет по этике научных публикаций Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), Вольное сообщество «Диссернет». Предоставленные ими данные были критически

highlighting its structural, institutional and cultural context. The article argues that the main publication problems are bureaucratization of the publication activity, changing temporal strategies in researchers' lives, new challenges not typical of the scientific activity, the decline of reputation mechanisms, forced simulation of scientific production and the use of modern resources (including technological resources) to facilitate this simulation, the shift in value priorities and the erosion of motivation in academic studies.

Keywords: publication activity, scientometrics, sociology of science, bureaucratization, quantofreny, society's McDonaldization, scientific ethics

Acknowledgment. The authors wish to express their thanks to the academic electronic library eLIBRARY.RU, Council of Scientific Publication Ethics of the Russian Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) and the „Dissernet” voluntary community. The informa-

важны для подготовки и написания работы. Д. Г. Подвойский выражает признательность редакции журнала «Личность. Культура. Общество» и персонально — Ю. М. Резнику и В. Г. Николаеву за любезное разрешение на использование в настоящей статье фрагмента своих ответов из экспертного опроса «Современная отечественная социология: состояние и перспективы развития»*. Благодарим участников круглого стола для научных журналов по социологии «Приглашение к консенсусу», прошедшего в рамках VIII Грушинской конференции, высказанные ими суждения во многом вдохновили на написание настоящего текста.

* См.: Бекарев А. М., Девятко И. Ф., Журавлев О. М., Николаев В. Г., Оберемко О. А., Подвойский Д. Г., Радаев В. В., Резник Ю. М., Рогозин Д. М., Щербина В. В. Современная отечественная социология: состояние и перспективы развития // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. Вып. 1—2. С. 158—191.

tion they provided was very useful for the preparation of the paper. D. G. Podvoyskiy expresses appreciation to the editorial board of the journal „Personality. Culture. Society” and personally to Yu. M. Reznik and V. G. Nikolaev for their kind permission to use the excerpt of their answers from the expert survey „Modern Russian Sociology: the State and Development Perspectives”**. We are grateful to the participants of the round table for scientific journals on sociology “Invitation to consensus”, which took place in the framework of the VIII Grushin conference. The opinions they expressed greatly inspired the writing of this text.

** See: Bekarev A. M., Devyatko I. F., Zhuravlev O. M., Nikolaev V. G., Oberemko O. A., Podvoisky D. G., Radaev V. V., Reznik Yu. M., Rogozin D. M., Shcherbina V. V. (2018) Contemporary Russian sociology: the present condition and prospects. *Personality. Culture. Society*. Vol. 20. No. 1—2. P. 158—191.

Рабы взбесившегося принтера

Российский ученый на исходе второго десятилетия XXI в. не сильно отличается по условиям труда и существования от своих современников / соотечественников — работников систем здравоохранения и образования. Человек, приходящий сегодня на прием к врачу в обычную российскую поликлинику, нередко сталкивается с характерной ситуацией: большую часть времени приема доктор тратит вовсе не на осмотр пациента, но на производство документации, сопровождающей оказание медицинских услуг (не важно — осуществляется ли этот процесс при помощи компьютера или вручную). У больного возникает желание воскликнуть: обратите, пожалуйста, внимание на меня! Порой создается впечатление, что врач общается не с пациентом, а с кем-то третьим — по его (весьма формальному) поводу, не отводя глаз от экрана монитора или амбулаторной карты. О том, в какой мере написанное в медицинских формулярах будет отражать действительное состояние организма, можно лишь гадать. И какая от всего этого «польза» — будет ли поставлен верный диагноз, назначено правильное лечение и побежден недуг? — тоже остается неизвестным.

Врачи могут поставить тот, а не иной диагноз, исходя из соображений его «выгодности» (одни заболевания страховые компании оплачивают, другие — нет), чтобы не портить статистику, чтобы у больного-пенсионера хватило денег на лечение и т. д. Сходная ситуация наблюдается и в науке — научные тексты пишутся не потому что есть потребность в приращении научного знания, а потому что они помогают решать

задачи ненаучного характера, оказываясь частью многостраничных отчетностей, призванных фиксировать результаты профессиональной деятельности ученых, чтобы университет потом мог доказать свою эффективность количеством публикаций.

Вузовский преподаватель — винтик бюрократической машинерии — занимается бесконечной «оцифровкой» студенческих достижений. При этом то, что происходит в аудитории, сам образовательный процесс приобретает де-факто статус второстепенного и мало интересного события, поскольку и студенты достаточно быстро понимают, что критерий их успеха в складывающейся системе отношений — не знания, полезные навыки и т. д. (как в случае с пациентом — здоровье, облегчение страданий), а балл, цифра, индекс или набор таковых, рейтинг. Эти величины должны быть «показателями чего-то», то есть кому-то что-то *показывать*, о чем-то свидетельствовать. По факту подобные продукты измерения говорят лишь сами за себя, скрывая за иллюзорным или полуиллюзорным «метрическим» фасадом специфическую содержательную пустоту, или «наполненность» — но не тем, чем надо.

Можно предположить, что ни врач, ни профессор¹, заполняющие бесконечные бумажки или их электронные аналоги, не являются виновниками сложившегося положения вещей, поскольку оно навязано им «извне». Сами они обычно оценивают его резко отрицательно, считая себя «заложниками системы», «рабами взбесившегося принтера», вина во всем вездесущую бюрократию, подозревая, что вся ситуация нездорова настолько, что может рассматриваться как нарушающая права человека². Представители административного аппарата по всей иерархической вертикали — от высокого начальства до рядовых делопроизводителей — обычно используют те или иные (расхожие) аргументы в защиту устанавливаемых правил и их причудливой логики. Мотив оправдания системы, безусловно, соответствует корпоративному интересу этой группы — хотя бы потому, что обосновывает притязания ее членов на статус, властный ресурс и рабочие места. Но и их едва ли стоит упрекать в умышленном инициировании граничащих с абсурдом проявлений организационной жизни. Абсурд или дисфункциональные последствия генерируются системой как бы сами собой — при непосредственном участии сотен и тысяч акторов, но без прямого влияния «злонамеренной» воли кого-то из них конкретно. Усугубляет эту ситуацию то, что всегда «история науки была историей того, как ее мир становился все менее прозрачным для внешних наблюдателей, но при этом все более релевантным. Чем более важной становилась наука, тем менее понятной для неученых она была. Этот процесс сопровождался трансформацией интеракций между академическим миром и его социальным окружением» [Collins, 1982 ; Gieryn, 1983].

¹ Разумеется, список сходных примеров может быть легко расширен за счет самых разнообразных видов деятельности, подлежащих во всех современных обществах сложному и многоступенчатому бюрократическому регулированию. Правдоподобно выглядит эпизод из резонансного фильма А. Звягинцева «Нелюбовь», в котором официальный представитель службы розыска — не от равнодушия, но реально оценивая положение дел в своей области, — советует матери пропавшего ребенка обратиться за помощью в поисково-спасательный волонтерский отряд, работающий вне рамок высокобюрократизированной институциональной среды органов внутренних дел. Равным образом и в деле изменения ситуации в сфере науки наиболее эффективной (по крайней мере, заметной) оказывается сегодня деятельность свободных экспертных (в том числе сетевых) сообществ и ассоциаций, функционирующих на добровольной основе.

² 21 мая 2018 г. состоялось заседание Совета по правам человека при Президенте РФ, посвященное нарушению прав участников процесса образования. Ряду участников закрытой группы «Образование и наука» (более 3500 человек) на площадке Facebook удалось выступить на этом Совете. К заседанию участники группы попытались сформулировать основные проблемы профессорско-преподавательского состава в РФ. (Подробнее см. Приложение 3).

Истоки современной ситуации

Российские ученые (и прежде всего представители ядра сообщества — работающие в учреждениях РАН) попали на крючок бюрократии позже других. Во всяком случае, в университетах новейшая фаза бюрократического натиска стартовала раньше³. Отдельные островки автономии (и в Академии, и в университетах) все еще сохраняются, но общая тенденция на «глобальное затопление» прослеживается четко.

В этом смысле о поздних советских временах можно было бы вспоминать с некоторой ностальгией, что порой и делается. Хотя далеко не все области научных исследований развивались в СССР с одинаковой интенсивностью и поддерживались на должном уровне, а положению гуманитарных и социальных наук, находившихся под неусыпным контролем государства и призванных выполнять его идеологический заказ, в принципе трудно позавидовать.

«В позднем советском обществе научные работники входили в несколько социальных групп: (1) в высшую номенклатуру, неточно называемую элитой (к ней принадлежали руководители академических институтов, главы больших лабораторий, относящихся к военно-промышленному комплексу, действительные члены и члены-корреспонденты союзной Академии наук); (2) в советский средний класс (в его высший слой — университетская профессура, руководители отраслевых научно-исследовательских институтов; в средний — вузовские доценты, старшие научные сотрудники; в низший — младшие научные сотрудники, инженеры-исследователи, аспиранты).

За принадлежность к советскому среднему классу научное сообщество платило невысокую цену: люди этого круга должны были проявлять лояльность политическому режиму — держаться в стороне от криминальных практик, дистанцироваться от диссидентства; не допускать публичной критики советской системы, быть включенными в сеть политического просвещения; не отказываться от предлагаемого членства в партии, преподавать по министерским программам и участвовать в государственных научных проектах. В обмен они получили возможность устанавливать горизонтальные профессиональные связи (участвовать в научных семинарах, конференциях, обменах); обрели право на собственный научный язык, были ограждены от назойливого и некомпетентного вмешательства в научные дискуссии, если они не касались идеологических основ советского партийного строя. Наконец, в регламентированном обществе ученые пользовались, наверное, самой большой привилегией — возможностью распоряжаться собственным временем: в академических институтах были установлены присутственные дни — один или два в неделю, в университетах практиковалась щадящая учебная нагрузка для лиц, облеченных профессорским званием. При относительно высокой заработной плате «остепененных» преподавателей и научных сотрудников (начальник цеха

³ К моменту создания Федерального агентства научных организаций (ФАНО) в 2013 г. (как главного двигателя менеджеральных инициатив в институциональной среде РАН) ряд университетов (прежде всего крупных игроков на рынке образовательных услуг, активно возделывавших также ниву больших госпроектов и госзаданий) уже имели определенный опыт по созданию новых организационных форматов регулирования и контроля деятельности профессорско-преподавательского состава (ППС), чему немало способствовал прививаемый в этих вузах и усвоенный их руководством и административным корпусом дух «Болонской реформы» (внедрение сложных метрических форм оценивания студенческих знаний, разрастание связанной с этим отчетности, в том числе на компьютерных носителях, создание специальных подразделений, фиксирующих и контролирующих соответствующий документооборот).

на крупном производстве получал примерно столько же) все это, вместе взятое, обеспечивало престижный социальный статус в позднем советском обществе» [Кабацков, Лейбович, 2016].

Потом, в 1990-х — начале 2000-х, ученых (как академических, так и университетских) особенно не трогали — их просто бросили, оставили на произвол судьбы, лишив полноценного финансирования, но пока не превратив в прекариат. Ученые оказались «бюджетниками» («это вошедшее в обиход обозначение русского нового бедного — человека с относительно высоким образованием, не сумевшего адаптироваться к новым экономическим условиям, отстаять свои интересы и поэтому выполняющего квалифицированную работу за мизерную оплату. Бюджетник — лицо униженное, достойное снисходительной жалости, несколько не уважаемое в городском сообществе» [Лейбович, Шушкова, 2004: 141]), и им часто приходилось слышать ироническую фразу: «если ты такой умный, почему такой бедный?»

Теперь же — в последние десять-пятнадцать лет — до племени «высоколобых», находившихся какое-то время в статусе «беспризорников», добрались эффективные менеджеры, подарив эффективные контракты⁴ и новые темпоральные стратегии, зависимость от администраторов, превратив профессоров и их труд в палочки и галочки отчетности. Можно сказать, что на этом этапе закончилась борьба за научные идеи и началась борьба за ресурсы, появились «академические банды»⁵ [Scheff, 1995]⁶ и «крестные отцы» отечественной науки [Кулешова, 2016].

«Бюрократическая регламентация, начинавшаяся с коллективного заполнения преподавателями кафедры ежегодных планов учебно-методической работы, постепенно стала включать в себя все больше и больше новых компонентов. Публикационный оброк регламентировал количество и место публикации статей, которые каждый штатный работник бюджетной образовательной организации обязан написать в течение учебного года» [Кабацков, Лейбович, 2016].

Эта практика, отметим, перенесена на российскую почву со всеми болезнями, которые уже были диагностированы в зарубежных университетах: «Огромный рост бюрократии в британском высшем образовании, вызванный расцветом управленческой идеологии и жесткими требованиями государственной аттестации, означает, что у ученых теперь остается гораздо меньше времени на подготовку к занятиям, даже если они еще кажутся им достойным делом — что в последние годы представляется весьма сомнительным. Государственные инспекторы начисляют баллы за ста-

⁴ См., например, Приложения 1 и 2, а также, Положение об эффективном контракте в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» [Электронный ресурс] // URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/contract/Polozhenie%20ob%20EK_aprel2018.pdf (дата обращения: 02.08.2018).

⁵ В терминологии Томаса Дж. Шеффа, в научной среде работают «неписанные договоренности, существующие в бандообразных группировках профессуры, которые функционируют с целью удовлетворения потребностей последней... Подобно тому, как уличные банды зарабатывают на жизнь при помощи воровства, ученые получают доходы от карьеры, которая в значительной степени зависит от того, являются ли они преданными членами банд и кланов. Разумеется, успех в научной карьере невозможен без упорной работы, однако демонстрация своей принадлежности к банде и клану может естественным образом дополнить или даже заменить в этом отношении талант и ум... Случаи, когда карьерный рост становится результатом только оригинальности или значимости научной работы, — редкие исключения. Успешность ученого никак не зависит от его таланта, или эта зависимость носит обратный характер».

⁶ Русскоязычная версия доступна по адресу: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/scheff.htm> (дата обращения: 02.08.2018).

ты с непроходимыми дебрями сносок, но популярный учебник, предназначенный для студентов и широкого круга читателей, обладает для них небольшой ценностью»⁷.

Ученые сегодня открыто говорят, например, «что внедрение индекса Хирша в гуманитарные исследования — показатель слабости науки (и научного сообщества) в той стране, которая на это пошла. В конечном счете это показатель ограниченности национального суверенитета, поскольку ясно, что, например, Web of Science, учитывающий почти только англоязычные публикации (в 2016 г. они составляли 96,19%), автоматически ставит в невыгодное положение ученых и журналы из других стран... На Западе необоснованность использования результатов таких расчетов для принятия решений в области управления наукой выявлена достаточно давно. Международный союз математиков публично предостерегает от неправильного использования статистики цитирований» [Орлов, 2013: 541].

Еще одна проблема, получившая подробное освещение в работе А. Ю. Ашкерова, касается «издержек нарративной диктатуры менеджмента в умах и сердцах современных людей, которая препятствует осознанию подлинных последствий превращения истины в капитал, познания — в разновидность маркетинга, а образовательной и академической деятельности — в род сервиса... Проблема современного общества, которое связано с режимом экспертократии и кажется «основанным на знании», состоит в том, что технологические возможности, связанные с тиражированием, обработкой и передачей информации, существенно превышают возможности по ее качественному видоизменению» [Ашкеров, 2009].

Темпоральные стратегии современных российских ученых

Можно сказать, что по меркам других профессий (в плане уровня внешней регламентации деятельности) ученые жили почти в раю. Сегодня эти времена заканчиваются. Исследователь с именем и безупречной репутацией, проработавший почти полвека в одном из институтов РАН, сетует: «Ну не глупость ли все эти нормативы? — они (*ФАНУ, институтское руководство*) хотят заставить нас писать и публиковать заданное количество статей ежегодно! Откуда я знаю, сколько я за год напишу — одну, две, три, ни одной? Как дело пойдет, как материал соберу. Это непредсказуемо. Что не напишу в этом году, напишу в следующем. Но напишу все равно, ЕБЖ [если буду жив]. Это ведь в первую очередь мне надо, мне это интересно, для меня важно. И не надо меня принуждать и торопить. Наука не терпит суеты...».

В статье [Абрамов, Груздев, Терентьев, 2015] показано, например, как перераспределение бюджетов рабочего времени академических профессионалов ведет к формированию новых субидентичностей, тесно связанных с изменяющимися аспектами требований работодателя и в меньшей степени с идеально-типическими представлениями об университетской или академической культуре как особой форме профессиональной культуры. Авторы отмечают, что в процессе образовательных реформ возникают новые субидентичности, связанные с новым разделением труда и смещением баланса по различным типам трудовой

⁷ Иглтон Т. Медленная смерть университета [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_3672.html (дата обращения: 05.08.2018).

нагрузки: «преподаватели-администраторы», «преподаватели-публикаторы», «преподаватели-преподаватели».

Кроме этого, почти неизбежна суета. Как отметил В. Г. Николаев: «...Характерные особенности часового времени оказываются подчинены особой рациональности, связанной с их капиталистическим использованием... Для общества с дифференцированными и плохо согласованными друг с другом расписаниями, графиками и режимами характерны попытки справиться с ними... эти попытки ориентированы на принципы «все успеть» и «не потерять ни секунды». Они не всегда достигают успеха, поскольку в любом планировании почти всегда присутствуют неподконтрольные и не полностью просчитываемые элементы и звенья. Самые тонкие расчеты могут легко разбиться о внезапный запрос на срочное предоставление отчета, транспортную пробку или ... приход двадцати электронных писем, требующих продуманного ответа, посреди и без них сложившейся «запарки», связанной с серьезными обязательствами... В силу неравномерности изменений складывается настоящая мозаика быстрых и медленных времен, лишенная внутренней рациональной логики, с которой, тем не менее, приходится как-то справляться... Решение проблем, связанных с затруднительностью/невозможностью совмещения временных требований и временных нагрузок, исходящих из разных областей и фрагментов социального вовлечения, имеет следствием перестройки ценностных иерархий, снятие напряжений путем отказа от тех или иных привязанностей, выживание/угасание тех или иных деятельностей, интересов, социальных связей и вовлечений в составе человеческой жизни» [Николаев, 2017: 292].

Атмосфера постоянной спешки, работы на скорую руку со всеми минусами такого режима деятельности определяет темпоральный контекст жизни современного ученого, нередко оборачиваясь мутацией ценностных иерархий: на все времени не хватает, следовательно, приходится чем-то жертвовать, порой даже тем, что когда-то считалось самым главным (качество, мастерство, стремление к совершенству, поиск истины, желание докопаться до сути).

К модификации традиционных темпоральных стратегий «медленной жизни» подталкивает, среди прочего, сама календарная структура годовой отчетности, используемая бюрократическими инстанциями, финансирующими научные исследования. Если вы, например, подали заявку на грант (в конце года), получили поддержку и подписали соглашение (что произойдет, скорее всего, не раньше весны), то уже осенью от вас будут требовать отчет, предполагающий публикацию нескольких статей. Реалии редакционно-издательского цикла в большинстве российских научных журналов таковы, что срок, отделяющий момент подачи рукописи от момента выхода номера, составляет не менее полугода. И это при идеальном раскладе: если ваша статья всех устроила или если у вас есть протекция, дающая зеленый свет и преодолевающая преграды; если рецензенты, редакторы, корректоры, верстальщики сработали оперативно, если в журнале идет тематическая рубрика, в которую вписывается ваша статья, если нет очереди, если изданию вдруг не прикрыли финансирование, оно не удалено из списка ВАК, РИНЦ, etc. Но даже в таком случае времени на написание статей и проведение исследования, результаты которого должны найти в них отражение, у вас не остается. Или у вас должно быть уже все готово заранее, то есть до того, как ваш проект был

одобрен фондом (или иным заказчиком-грантодателем). Редакторы и эксперты редакционных коллегий научных социогуманитарных журналов без особого удивления, но с досадой констатируют: если статья написана по гранту, скорее всего, она окажется сделанной наспех, написанной в состоянии предотчетного стресса. Исследователи вынуждены говорить прямо: «Наука здесь больше не живет! Ее заменяет погоня за высокими формальными показателями. Ученый вынужден тратить много сил не на исследования, а на публикацию своих работ. Количество опубликованных за год статей является также показателем имеющихся связей, позволяющих «пристраивать» тексты в различные журналы» [Захарчук, 2017: 20].

Что остается автору, кроме публикации сомнительных текстов в сомнительных изданиях, сговоров и приписного соавторства? Безусловно, все эти практики неэтичны, но что станет с ученым, если он продемонстрирует моральную стойкость и откажется от них? Будет ли его этическое поведение целесообразно? Возможно, более оптимально для него двигаться по пути, который избрали некоторые южнокорейские ученые? Они ставят в соавторы имена своих новорожденных детей, чтобы к поступлению в аспирантуру у них был накоплен полноценный багаж текстов (прием, напоминающий запись во младенчестве отпрысков дворянских семейств в воинские подразделения, получившую распространение в постпетровской России).

Кроме этого, сыграло роль увеличение «аудиторной нагрузки до 900 учебных (академических или астрономических) часов в год. В ряде образовательных учреждений на этом не остановились и подвергли детальной регламентации все виды учебной, методической, воспитательной, научной и исследовательской работы коллектива преподавателей. «Я теперь несвободен в распоряжении своим временем», — прокомментировал новую ситуацию в вузе университетский преподаватель. Так, в одном из филиалов столичного университета трижды в год весь преподавательский коллектив должен был отчитываться по каждому виду работы перед администрацией учреждения. Небольшой размер организации позволял выслушивать отчет директору организации, его замам и различным административно-хозяйственным работникам. Отчет преподавателя перед административным консилиумом демонстрирует его статус подчиненного, лишённого права принимать самостоятельные решения в сфере профессиональной деятельности» [Кабатков, Лейбович, 2016].

Бюрократия воспринимает такой хронометрически организованный бег на скорость как норму, характеризующую обычные рабочие будни. Руководством открыто провозглашается установка: если при выполнении задания возникает дилемма — хорошо или вовремя, лучше вовремя.

Да, какие-то деньги (большие, но скорее — маленькие) за это заплатят — и исполнителям, и руководителям, и координаторам-организаторам. Выделяемые на развитие науки ресурсы будут освоены, чиновники могут быть удовлетворены — дело делается, файлы множатся, папки пухнут. Только ученый остается недоволен: результат такой активности — большой «мыльный пузырь», самообман. Ощутимого прироста знания на этом пути не происходит.

Ученые — в отличие от менеджеров — имеют принципиально иную мотивацию к занятию делом, которому они решили посвятить жизнь. Вспомним слова доктора

Ганса Селье, биолога и теоретика медицины, получившего всемирное признание: «...И все же ни слава, которую может принести наука, ни ее потенциальная польза — во всяком случае, в ее общепринятом понимании — не являются единственными притягательными сторонами науки. Главная «польза» фундаментального исследования та же, что и у розы, песни или прекрасного пейзажа... Этот тип деятельности — единственный из всех, доступных человеческому разуму, — наиболее близок к процессу творчества... Некоторые мотивы для избрания научной деятельности заслуживают одобрения обществом, другие оно воспринимает с отвращением. Позвольте мне не оценивать их с этих позиций, а просто перечислить отдельные мотивы — независимо от того, покажутся они вам прекрасными или безобразными, — под воздействием которых человек, обладающий достаточной квалификацией, добился успеха и процветания на научном поприще: 1. Бескорыстная любовь к Природе и Правде; 2. Восхищение красотой закономерности; 3. Простое любопытство; 4. Желание приносить пользу; 5. Потребность в одобрении; 6. Ореол успеха; 7. Боязнь скуки» [Селье, 1987].

Научное творчество и логика менеджериального мира

Четко прорисовывается новая дилемма: *либо вы занимаетесь наукой* (реально, по собственному почину, но без всякой институциональной поддержки), *либо делаете вид*, что занимаетесь наукой, подчиняясь действующим правилам игры, почти неизбежно оборачивающейся *выхолащиванием содержания* исследовательской деятельности, упражняетесь в имитациях и симуляциях. Обе означенные альтернативы суть Сцилла и Харибда — обе они плохи. Поэтому практикующие исследователи, поставленные в подобные условия, обычно пытаются выстраивать более или менее виртуозные, компромиссные по сути поведенческие стратегии, сочетающие стремление к производству нового знания с желанием обеспечить собственное существование на уровне, приемлемом для удовлетворения своих (порой весьма скромных) жизненных потребностей.

В риторике и действиях управленцев от науки интегрированы логика администратора советского образца и носителя идеологии *new public management*. Однако и та, и другая, и их возможные комбинации в равной мере диссонируют с моделями поведения и мышления ученого. Одна из особенностей бюрократического взгляда на мир — страсть к планированию и одержимость формализацией. Сотрудники разбухших административных подразделений университетов, призванных заниматься вопросами оптимизации, учета и контроля (в том числе научной деятельности), требуют от подотчетных лиц и подразделений (кафедр, лабораторий, факультетов, и т. д.) развернутых данных об ожидаемом количестве статей с информацией о точном месте и времени публикации, выступлений на конференциях, заведенных полезных связей с зарубежными коллегами — наперед, то есть когда статьи еще не написаны и не приняты к рассмотрению, контакты не заведены и т. д. Подробно о ролевых напряжениях, возникающих у сотрудников современного российского университета, и отчуждении академического труда писали [Абрамов, Груздев, Терентьев, 2017], они пришли к выводу, что «трудоустрой процесс в вузе характеризуется растущей неопределенностью: ее привносят задачи, которые поручаются академическим профессионалам неожиданно, нередко

имеют бюрократический формат и требуют отвлечения сил и внимания от основной деятельности».

У. Уайт более полувека назад отмечал: администраторы часто заявляют, что их истинной целью является создание коллективной среды для творчества, генерации новых идей, превращение организации в бурлящий котел инноваций. Но «люди очень редко мыслят в группах» [Уайт, 2003: 263]. Даже если мы поставим под сомнение существование «естественной неприязни нетворческого человека к человеку творческому», факт остается фактом — второй первому «непонятен, равно как и непонятны условия творчества. Хаотичность интуиции, бесцельные мысли, непрактичные вопросы — все эти вещи, нередко сопутствующие открытию, органически чужды миру администратора. Порядок, объективные цели, согласие — вот чего он желает... Последние жизненно необходимы для управления идеями, но не для их создания. Согласие? Концентрироваться на согласии значит интенсифицировать то, что препятствует творчеству» [там же: 263].

Действительно, есть основания считать ученого и администратора — в аксиологическом и социально-психологическом измерениях — носителями разных профессиональных «габитусов» (разумеется, в идеально-типическом смысле). Им трудно понять друг друга, можно сказать даже, это люди, сделанные из разного теста. В университетах в ходе то и дело возникающих конфликтов и дискурсивных баталий представители административно-управленческих структур в ответ на публично озвучиваемое недовольство преподавателей порой реагируют с искренним эмоциональным недоумением и досадой: за что же вы все (ППС) нас так ненавидите? А дело все в разных жизненных задачах и устремлениях. Ученый/преподаватель стремится к автономии, ценит свободу и рефлексивность как неотъемлемые предпосылки деятельности, в работе его привлекает процесс исследовательского поиска или научения (передачи научного знания), стремление добиться определенных результатов («отчет» в понимании ученого научным результатом не является). Носитель бюрократически-менеджерского габитуса смотрит на мир иначе: свобода для него не ценна, он не знает, что с ней делать. Напротив, учет и контроль, правила и процедуры, алгоритмизация деятельности и фиксация внешних признаков действия («результатов»), операциональность и инструментальная фокусированность мышления — его стихия. Атмосфера жизни в масштабах социального универсума «железной клетки» его не угнетает, или он к ней просто привыкает, не представляя, что может быть как-то по-другому.

Хорошего ученого нельзя подвигнуть на продуктивную работу тейлористскими или фордистскими методами, то есть простимулировать одним лишь рублем (хотя рубли ему тоже нужны) в сочетании с указанием на существование нормы выработки и строго определенных правил игры и оценки результатов. Единственный путь — грамотное использование автономной (специфически когнитивной) мотивации, которая у исследователя уже имеется. Такая мотивация нуждается в соответствующей поддержке, но, скорее всего, будет улечиваться в институциональной среде с избыточной «внешней» регламентацией.

В целях управления научной деятельностью как особой социальной и интеллектуальной практикой, предполагающей в качестве необходимого условия и предпосылки высокую степень автономии ее субъекта, то есть производителя знания,

менеджер использует средства и аргументы, являющиеся побочным и не самым привлекательным продуктом развития самой науки. Речь идет о фразеологии вульгарного сциентизма, а правильнее было бы сказать — вульгарного технократизма как идеологии и символа веры, своего рода аксиологических столпов менеджериального мира [Уайт, 2003]. Сторонники такого подхода считают, что люди, если захотят, могут все или почти все оптимизировать в социальных отношениях любого типа, технологизировать, алгоритмизировать, рационально упорядочить, спланировать, подчинить контролю и своей власти, просчитать, предсказать... Эта старая идея, уходящая корнями в эпоху ранненовоевропейских доктрин социальной физики и универсального механицизма, представляет собой опасную⁸ утопию, раскритикованную, высмеянную, разоблаченную в сотнях философских, социологических, публицистических, литературных произведений, но, увы, отнюдь не побежденную.

Однако в российских условиях оптимистический технократически-менеджеристский дискурс является искренним лишь наполовину, а на другую половину — декларативно-имитативным, поскольку прибегающие к нему группы повсеместно и более или менее осознанно используют его для продвижения собственных корпоративных интересов — в борьбе за статус, распределение ресурсов и т. п. Управленец, руководящий учеными, научился говорить красиво и быть убедительным — по крайней мере, ровно настолько, насколько это необходимо, для того чтобы у неконсолидированной академической аудитории, лишенной организационного рвения и прямых и простых рычагов воздействия на ситуацию, в горле пересыхало и руки опускались. «...Требование ученых к не-ученым распределять вознаграждения и ресурсы, поступающие извне, в соответствии с иерархией научных заслуг, выполнимо лишь в том случае, если не-ученым предоставлены понятные и недвусмысленные указания на то, какова эта иерархия. Академическая автономия предполагает монополию ученых на предоставление информации о том, каков относительный ранг представителей их дисциплины... Главное российское затруднение... имеет свои истоки как раз в преобладании асимметричных обменов, при которых символы академического статуса или попросту продаются членами курирующей группы, или раздаются как можно большему количеству претендентов, поскольку акт передачи сопровождается выплатами от третьей стороны, или становятся предметом бартера без всякого внимания к качеству работы» [Соколов, 2008].

Во власти цифр: наука под пятой квантофреников и метроманьяков

Не менее важной особенностью бюрократического порядка знания, навязываемого академическому миру, является так называемая *кванто-* или *метрофрениция*. Современный мир сходит с ума от чисел и цифровых форм выражения всего и вся. Критический анализ этого паттерна, пустившего глубокие корни в культурах современного типа, в частности, в методологии социальных и гуманитарных наук, мы находим в работах П. А. Сорокина.

Уже в середине XX в. в американских университетах, по наблюдениям Сорокина, властвовала «захватническая армия статистиков, бухгалтеров, счетоводов, нумерологов и метроманьяков» [Сорокин, 1999: 7]. В дальнейшем эта тенденция лишь

⁸ Утопию, даже если и местами прекраснотушную и чистосердечную, но далеко не всегда.

усугублялась, причем в мировом масштабе. Суть кванто/метрофреники как специфической установки сводится к следующему: «...только работы, содержащие измерения и числа, считаются научными. Каждое количественное исследование рассматривается как показатель прогрессивного движения психосоциальных наук по направлению к «объективной», «точной» и «математической» фазе их развития, по направлению к зрелости, приближающейся к зрелости естественных наук... Одним из наиболее ярких проявлений метрофреники можно назвать все усиливающуюся тенденцию к неограниченному околичествлению всех качественных данных, независимо от того, годятся они для такой операции или нет. Еще более симптоматичен в этом отношении высокий научный престиж, который приобрели эти попытки в глазах количественно ориентированных ученых» [Сорокин, 1999: 6, 23].

Однако, по мнению математически компетентных экспертов, многие квантофренические изыски оборачиваются чудовищным насилием над эмпирическим материалом, который они призваны «квантифицировать» и «формализовывать», напоминая попытки ответа на вопрос: «сколько ярдов простокваши потребуется, чтобы сшить пару штанов для быка?» [Сорокин, 1999: 9].

Проблематика гуманитарных измерений связана с постановкой целого комплекса нетривиальных методологических задач, и ее важность нельзя недооценивать [Подвойский, 2011]. Это относится и к таким ее дисциплинарным импликациям, как прикладная наукометрия и библиометрия. Но в руках бюрократии наукометрия — как плохая, так и хорошая, — становится оружием, необоснованно претендующим на право считаться разумным и справедливым средством раздачи «всем сестрам по серьгам» (см. например: [Merton, 1988], [Батыгин, 2001]). И старый администратор авторитарного типа, и молодой менеджер-неолиберал — оба квантофреники до мозга костей: они верят в цифры или, даже если не верят, как минимум постоянно «козыряют» ими, апеллируя к ним как к основному «легитимному» аргументу при оценке, организации и планировании любых видов деятельности.

Об ущербности сугубо метрических способов оценки эффективности и качества результатов интеллектуального и творческого труда, в том числе в области науки, можно рассуждать много. И дело здесь не только в опасности систематических манипуляций и подтасовок. Недостаточно сделать наукометрию стерильной от подделок, так как она и стерильная не дает реальной картины достижений индивидов и коллективов в поле науки. Поэтому неудивительно, что авторитетные практики во всем мире подчеркивают, что арсенал наукометрических показателей должен использоваться лишь в качестве вспомогательного средства, не способного заменить содержательных оценок, осуществляемых независимыми экспертами — специалистами в конкретных областях знания. На приоритете содержательных экспертиз при оценке научных исследований настаивает и «Лейденский манифест для наукометрии»⁹; сходные мотивы содержатся в открытом обращении Совета по этике научных публикаций АНРИ «Библиометрия во благо российской науки»¹⁰, Заявлениях трех академий наук (Французской академии наук, Немецкой

⁹ Лейденский манифест для наукометрии / пер. А. А. Исэрова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leidenmanifesto.org/uploads/4/1/6/0/41603901/leidenmanifestoinrussian.pdf> (дата обращения: 05.08.2018).

¹⁰ Библиометрия во благо российской науки [Электронный ресурс]. URL: <https://rasep.ru/sovet-po-etike/bibliometriya-vo-bлаго-rossijskoj-nauki> (дата обращения: 05.08.2018).

академии «Леопольдина» и Лондонского Королевского научного общества) о рекомендуемых методах оценки исследователей и исследовательских программ¹¹ (см. Приложение 5). В итоге в Великобритании, например, для оценки ученых, специализирующихся в социологических, политических, юридических науках, библиометрические показатели не учитываются. Вместо этого рассматривается ряд дополнительных факторов.

Тезис «публикуйся или гибли», озвученный в свое время Р. Мертоном, положенный в основание идеологии наукометрических методик измерения эффективности исследовательской деятельности, превращается в заздранно-саркастическое, почти издевательское пожелание: «Высокого тебе Хирша, приятель!» Вопрос, хороша ли или плоха наукометрия как инструмент оценки труда ученых, сложен и не может быть решен без множества оговорок и уточнений. Однако в современных российских условиях эти и без того спорные процедуры оборачиваются откровенным фарсом — показухой, профанацией в стиле традиционно российского искусства строительства «потемкинских деревень». Причем участвуют в этой игре как представители самого научного сообщества (индивидуально и коллективно), так и регулирующие инстанции (вузовское и институтское руководство, фонды, государственные институции и т. д.). Для вторых наукометрия выступает своеобразным «кнутопряником», удобным средством авторитарно-бюрократического негативно-позитивного стимулирования исследовательской активности. При этом носители административного ресурса, работающие в технократически-менеджеристской модели, апеллирующие к «объективности» и «корректности» наукометрических процедур, могут всегда заявить: «Против математики не поперешь — вы, батенька, неэффективны!»

Но как измерить эффективность научного труда? Написавший десять плохих статей более продуктивен и плодovit, чем написавший одну хорошую? Можно ли быстро понять, что эта последняя действительно хороша? Вопросов возникает множество. Существенные признаки и формы проявления эпидемии «наукометрического фетишизма», охватившей в последнее десятилетие российское академическое поле, описаны во многих публикациях (см., например: [Юревич, Цапенко, 2012; Мотрошилова, 2011]). В любом случае модели, построенные по образу и подобию методов измерения эффективности бизнес-проектов (расчеты KPI и т. п.), не могут давать адекватные результаты, если и когда они используются для оценки качества научной работы.

Рецепт эффективности: научное текстопроизводство в модели фастфуда

Конечно, обозначенные тенденции в значительной мере носят общемировой характер. Для их описания вполне подходит остроумная концептуальная метафора «макдональдизации» общества, предложенная Джорджем Ритцером в 1990-е годы. Наряду с эффективностью, предсказуемостью и контролем ключевым параметром макдональдизации выступает просчитываемость (кальку-

¹¹ Заявление трех академий наук (Французской академии наук, Немецкой академии «Леопольдина» и Лондонского Королевского научного общества) о рекомендуемых методах оценки исследователей и исследовательских программ [Электронный ресурс]. URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2018/05/Заявление-трех-академий-наук-1.pdf> (дата обращения: 05.08.2018).

лируемость, измеримость, исчисляемость производимого системой результата). Ученым предлагают, вернее — настоятельно рекомендуют, вырабатывать «конструктивное» умение печь публикации как пирожки или гамбургеры — в фабричной логике конвейера, штамповки, стандартизации. Вместо полноценной еды в Макдональдсе подается красиво упакованная и условно съедобная пища, равно и в современной науке продуцируется красиво упакованный мусор вместо полноценных научных статей, «нарезки» из ранее опубликованных материалов, фабрикация и симуляция исследований. При этом, все они произведены строго по симулякрообразующему стандарту.

Позволим себе привести небольшой фрагмент текста Ритцера, точно характеризующий сегодняшнюю ситуацию в российской науке (хотя он писал не о России, а о США): «Количественные показатели оказываются важны не только в преподавании, но и в исследованиях и публикациях. Подход «публикуйся или погибнешь», распространенный во многих университетах, заставляет обращать большее внимание на количество публикаций, чем на их качество. Принимая решения о найме или повышении сотрудника, работодатели обычно предпочитают резюме с длинным списком статей и книг... Негативными последствиями такого подхода является поток работ невысокого качества, и стремление опубликовать результаты до завершения работы, или опубликовать одни и те же идеи или данные несколько раз, с минимальными вариациями... Весьма маловероятно, что качество работы всей жизни некоего профессора можно свести к одному числу. В действительности, кажется невозможным квантифицировать качество какой-либо идеи, теории или научного открытия... Плохие статьи могут выйти в журналах в верхних строчках рейтинга, а блистательные — в тех, что располагаются в нижних строчках. Ученый, который пишет немного, но высококачественных работ, может быть плохо оценен этой системой ранжирования. И наоборот, тот, кто производит множество посредственных работ, получит гораздо более высокий балл. Подобная система привела некоторых социологов (да и ученых в иных областях знания) к заключению, что они не могут себе позволить такой роскоши, как обдумывать целый год одну работу, потому что это скажется на их ранге.

Любая система, которая уделяет такое внимание количеству публикаций, приведет к производству множества посредственных работ.

В науке появился еще один количественный метод оценки качества работы: индекс цитирования, т. е. сколько раз на данную работу сослались другие ученые. Все основано на предположении, что на высококачественную, важную и влиятельную работу, скорее всего, будут чаще ссылаться... Разве можно влияние научной работы свести к одному числу? Возможно, что правильное, хотя и редкое использование идей одного исследователя в самых узловых моментах повлияет на всю область гораздо больше, чем многочисленные ссылки на работу другого ученого. Кроме того, один факт, что такая-то работа часто цитируется, ничего не говорит о том, как именно она используется. Бессмысленная статья, раскритикованная многими, которые при этом на нее честно ссылаются, приводит к повышению индекса цитирования ее автора. И наоборот, ученые могут проигнорировать действительно важную работу, которая опередила свое время, что дает ее автору минимум цитирования...» [Ритцер, 2011: 234—236].

Макдональдизация — мировой тренд, специфическая фаза универсально-исторического (и при этом весьма противоречивого) процесса модернизации. Но в России к упомянутым издержкам модернистской рациональности (в терминологии Ритцера — иррациональности рационального) прибавляется традиционное искусство *мимикрии под модерн*, связанное с умением *играть с модерном в прятки*, обманывать на каждом шагу, обходить или симулировать (заимствуемые на Западе, «мировые») модернистские институты и практики с их хваленными формализмом, универсализмом, объективностью и непредвзятостью: считать как надо, поощрять тех, кого надо (партикуляризм), когда результат оценки того или иного вида деятельности, в том числе в науке, известен оценивающим наперед (друзей и нужных людей не обижать). В веберовской «железной клетке» рациональности, имплантированной в ткань российской действительности, жизнь выстраивается не только по протоколу кодифицированных норм, но и «по понятиям», а *gesellschaft*'ные схемы и образцы поведения дополняются и разбавляются *gemeinschaft*'ными.

Автомат Калашникова нормально работает и в руках бывшего латиноамериканского крестьянина, привыкшего с детства почти во всех случаях жизни использовать мачете. Модернистские *по форме* модели могут использоваться для поддержания и структурирования обновленных версий «феодализма», в том числе в системе высшего образования и науки. В научно-образовательных организациях формируется своеобразная система стратификации, состоящая из высшего руководства (прослойки господ), административно-управленческого аппарата по всей вертикали (надсмотрщиков) и, наконец, внизу — профессорско-преподавательского состава (полуподневольной рабочей силы, почти не способной улучшить в сложившихся институциональных условиях свое положение).

Культурная и психологическая динамика, наблюдаемая в группе ППС (не вовлеченного в управленческую деятельность), выглядит удручающе: «...В университетской среде наравне с культурой бедности [воспроизводится] подданническая культура. Человек, в нее погруженный, относится к себе как «говорящему орудью», готов безропотно сносить гнев начальства, лукавить и заискивать перед ним, демонстрировать почтительность и искать утешение в алкоголе. Придавленный нуждой, подвергнутый мелочному контролю, несамостоятельный в своих решениях вузовский преподаватель не может быть носителем притягательных ценностей и социально престижных норм в студенческой среде» [Кабацков, Лейбович, 2016].

Можно спорить, в какой мере ситуация, сложившаяся в российском высшем образовании и науке похожа на «капитализм», а в какой — на «феодализм» и/или патримониальное господство (в веберовском смысле). Отчасти — на то, отчасти на другое. Но в любом случае свобода высокоинтеллектуального труда, характеризующая саму суть профессиональной деятельности ученого и университетского преподавателя, в складывающейся системе отношений если и не отрицается (*номинально*), то, по крайней мере, *фактически* почти утрачивает шансы на реализацию.

С молодых ногтей, или 18+

В развязанную вершителями судеб университетского и академического миров публикационную гонку вынуждены включаться не только «учителя», но и «ученики»,

студенты старших курсов. Наличие научных статей в некоторых университетах становится необходимым формальным условием для защиты магистерских диссертаций и успешного окончания университета; а наличие статей из списка ВАК и тем более Scopus/WoS резко повышает шансы на поступление в аспирантуру, иногда даже перевешивая значимость отлично сданного вступительного экзамена (новый секрет успеха и залог хорошего старта для молодого ученого — статья в Scopus/WoS). Вузовское руководство с удовольствием подчеркивает, например, на днях открытых дверей: в былые годы первые публикации появлялись у начинающих исследователей лишь на аспирантской стадии, ныне же многие студенты могут похвастаться списками изданных научных работ. Данные факты преподносятся как свидетельство прогресса, одно из достоинств современной образовательной системы, нацеленной на развитие студенческой науки.

Означает ли это, что новые поколения студентов более заинтересованы в проведении научных исследований, чем их предшественники, учившиеся в университетах до начала активной фазы «постгутенберговской» эпохи? Ничуть нет. Стандартные сборники работ студентов, аспирантов и молодых ученых или материалы так называемых заочных конференций (хотя и здесь встречаются исключения), представляющие собой микс из элементов плагиата, косноязычия и отдельных случайных крупниц неочтенной гениальности, могли бы сразу отправляться в мусорную корзину, но они стоят на библиотечных полках, красуются на стендах, демонстрируя вовлеченность студенчества в научно-исследовательскую работу (опять же выступая в качестве показателя несуществующих достижений, за которые кого-то погладят по голове или хотя бы не отругают).

Виноваты ли в низком качестве студенческих опусов сотрудники департаментов, курирующих вопросы студенческой науки, редакторы, если таковые привлекаются, сами студенты, их научные руководители? По-видимому, никто в полной мере. А кто же тогда? Ответ парадоксален — сама система массового высшего образования генерирует набор специфически негативных последствий, в данном случае — раскручивает маховик публикационной инфляции, а также способствует относительному обесцениванию многих других некогда дефицитных культурных благ. Публикуются, пишут или компилируют публикации почти все, молодые и неопытные дышат в спины старикам и бывалым. Таковы требования дня! Платные и «мусорные» журналы получают клиентуру, размножаются как грибы после дождя, а сотрудники изданий, дорожащих репутацией, страдают от наплыва низкокачественных рукописей и откровенного или закамуфлированного интеллектуального контрафакта, производителей которого приходится выводить на чистую воду (этот процесс чрезвычайно трудоемок и унизителен).

Академический пурист из прошлого мог бы заметить: не надо портить бумагу, право писать и быть изданным еще нужно заслужить. Возможно, требование публиковаться, в том числе в журналах из списка ВАК, в отношении студентов попросту излишне? Может быть, достаточно и того, что они пишут (и, увы, нередко списывают) контрольные, курсовые и выпускные квалификационные работы? Те из них, кто захочет в будущем связать свою жизнь с наукой, — а таких будет абсолютное меньшинство, — рано или поздно начнут что-то публиковать самостоятельно или в соавторстве с руководителями.

Но условия бытования, циркуляции и продуцирования информации, порождаемые компьютерными технологиями, побеждают всякий пуризм как устаревшее аристократическое чистоплюйство, независимо от его сущностной правоты. Бумага не краснеет, компьютерные файлы — тоже. Информация множится, а ее ценность и содержательная эксклюзивность снижаются.

Хуже этого только то, что студенты дрессируются на рерайтинг и/или (более или менее технически изощренный) обход систем контроля оригинальности производимых ими материалов. Им разъясняется, что главное достоинство научного текста — его «как бы 100-процентная оригинальность» в системе «Антиплагиат». В студенческом дискурсе, в том числе при общении с преподавателями, научными руководителями, рецензентами, вполне обычным и почти легитимным становится оборот: *поработать над оригинальностью*.

Специалисты, проверяющие ВКР (выпускные квалификационные работы) и курсовые, легко переложили ответственность за их экспертизу с себя на автоматизированную систему, не желая даже анализировать цифры, которые та выдает. Поэтому многим студентам приходится участвовать в воспроизводстве массового психоза, переписывая своими словами положения законодательных актов и даже содержание своих ранее опубликованных работ, лишь бы система показала высокий уровень оригинальности их материала. Психоз здесь не случайное слово. Если рассуждать логически, «допустимый процент оригинальности», требуемый университетами и журналами, — совершенно ненормальная идея. Если плагиат в тексте есть, он уже заслуживает отклонения от публикации. Маленького зла не бывает. Не имеет значения — 25 % плагиата или 45 %¹². Но, идя на поводу этой идеи фикс, университеты и некоторые научные издания проводят политику, суть которой заключается в нормализации неэтичного и формального отношения к науке.

Почему не работают репутационные механизмы?

Для отдельных ученых и научных коллективов игра по навязанным извне погонным правилам становится, по сути, борьбой за жизнь и место под солнцем. Если хочешь заниматься научными исследованиями, должен бороться за финансы, а логика борьбы за финансы отличается от логики поведения ученого, ориентированного на получение достоверного знания. Поэтому ученый, мотивированный интернально, то есть ориентированный на внутренние критерии научной деятельности (поиск истины и т. п.), часто проигрывает актерам, ориентированным экстернально (в том числе стремящимся к демонстрации внешнего результата, оцениваемого лицами и институциями, ответственными за распределение ресурсов и оперирующими исключительно формальными наукометрическими индикаторами).

Лазеек для разного рода имитаторов, а порой и откровенно нечистых на руку субъектов, множество. Их основной задачей становится успешная фабрикация мнимого научного результата. Конечно, конкуренция за символический (и не толь-

¹² Например, см. п. 7.7 Проверка ВКР на объем неправомерного заимствования в: Стандарт организации СТО 02067971.106—2015 Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет» URL: http://pnu.edu.ru/media/filer_public/37/4e/374ebfc5-efda-4b37-a239-e8d7dc0cfe24/standart_2025.pdf (дата обращения: 05.08.2018).

ко) капитал в поле науки и иных полях интеллектуальной и/или творческой деятельности — явление не новое, она происходила и раньше. Но борьба за идеи и отчасти материальные, властные и иные ресурсы (как вспомогательные средства, обеспечивающие условия интеллектуального труда) велась при этом главным образом на содержательном уровне. Теперь она в значительной степени перемещается на страницы отчетов, изобилующих числовыми значениями тех или иных показателей, которые, если разбираться обстоятельно, сами по себе мало о чем свидетельствуют — разве что о направленном стремлении субъектов научных практик их максимизировать.

Использование квантифицированных индикаторов, лишь создающих иллюзию стерильной математической точности, — исключительно грубый способ оценки реального символического капитала ученых — их репутации, достижений, действительного вклада в науку. Раньше боролись за благосклонность начальства, близость к телу щедрого патрона и т. п., теперь к этому прибавляется необходимость овладения магией цифр, искусством псевдоматематической алхимии. Разумеется, подобная стилизация под математику, имеющая своей целью создать эффект наукообразности и точности, не есть подлинная математика, но лишь лукавый прием в руках тех, кто хочет выглядеть в глазах грантодателей и ресурсораспределителей продвинутым и современным, идущим в ногу со временем.

Разворачивание такого объективного фона научной деятельности приводит к доминированию наиболее агрессивных игроков, нацеленных в первую очередь на демонстрацию внешних признаков исследовательских результатов. Следствием этого оказывается выхолащивание самой сути научного труда, направленного

на получение достоверного знания. «Слабые», то есть медлительные, честные, излишне принципиальные проигрывают в этой все ускоряющейся гонке «сильным», быстрым, экстернально ориентированным, «нахрапистым», наименее добросовестным. Между тем, очевидно, что качества *слабости/силы* в области борьбы за ресурсы и в сфере научного поиска принципиально различаются. Таким образом, вместо того чтобы создавать условия для комфортной работы ученых, управленческий корпус в сфере науки и образования своими действиями фактически формирует среду нездоровой конкуренции, приводящей в некотором роде к негативной селекции человеческого материала.

Следствием внедрения наукометрических форматов оценивания работы научных сотрудников в академических институтах и профессорско-преподавательского состава в университетах оказывается массовое производство плохих или посредственных текстов, в том числе осуществляемое авторами, способными писать хорошие. Публикационная активность ученых как статусно пролетаризированных¹³ работников интеллектуального труда, утрачивая черты виртуозного ремесленного искусства, направленного на создание штучных шедевров, повсеместно предстает в суррогатных, профанированных формах, ставится на поток.

«В среде экономистов — с досадой отмечает один член профсообщества, — не только исчезли формальные критерии того, что хорошо и плохо, но произошло и нечто большее: люди перестали чувствовать, что является халтурой, а что — серьезным научным достижением. Атрофирована научная интуиция большинства экономистов, а это исключает научные успехи в обозримом будущем» [Балацкий, 2005]. (Разумеется, экономисты здесь только пример).

В ответ на сложившуюся ситуацию в январе 2013 г. начало работу Вольное сетевое сообщество «Диссернет», а с апреля 2016 г. — Совет по этике научных публикаций Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), которые к зиме 2017 г. объединили свои усилия, привлекли к сотрудничеству представителей РИНЦ, Scopus, Web of Science, ведущие вузы страны. У них накоплены колоссальные данные по нарушениям в сфере публикационной этики.

Какие проблемы лидируют? Проблема № 1 — **плагиат**. Отметим, он нормализовался и стал распространен как устойчивая практика. Даже опубликование такой, казалось бы, компрометирующей информации не приводит с неизбежностью к потере репутации, поскольку в нашей стране выработалась и утвердилась система своего рода «отрицательного отбора»¹⁴. Например, «среди почти тысячи представителей этой группы [уличенных в плагиате] удалось выявить 311 руководителей вузов, которым ученая степень была присуждена за последние пятнадцать лет. Среди них клиентами Диссернета стали 66 ректоров вузов, треть

¹³ В известной мере условные и отчасти сообщающиеся между собой сравнения современных российских ученых и вузовских преподавателей то с пролетариатом, то с крепостными крестьянами не противоречат друг другу и оправданы в зависимости от конкретного контекста употребления указанных концептуальных «метафор». Преподаватель в университете не является крепостным по формальным признакам, поскольку паспорт у него на руках, и он может в любой момент уволиться. Но он догадывается, что даже если ему удастся найти новую работу, в другом месте его будет ждать нечто подобное. Как говорил тот же У. Уайт, вы можете послать к черту вашего нынешнего босса, но завтра или послезавтра у вас будет новый, и что это, в сущности, поменяет, если логика жизни в организациях сходная?

¹⁴ Ростовцев А. (2015) Отрицательный отбор // Троицкий вариант. 08.12.2015. № 193. С. 1—2. URL: <https://trv-science.ru/2018/08/14/rsci-2018/>.

которых располагается в Москве... Доля клиентов Диссернета среди губернаторов и депутатов составила 29 % и 41 % соответственно», — отмечает А. Ростовцев, один из основателей «Диссернета».

Еще одна особенность российских научных публикаций, и основание для отзыва текстов от публикации (ретрагирования) — **самоплагиат** и множественные (дублирующие друг друга или содержащие высокий процент самозаимствований) публикации. Авторы переписывают свои тексты, слегка меняя введение и заключение, выдавая их за новые. Им не хватает осознания, что научная публикация — это приращение научного знания, ведь для большого количества отечественных ученых научная статья, как было отмечено выше, стала галочкой в отчете, формой симуляции, тем, чем она является для менеджеров в сфере науки. Подробнее о причинах распространения, признаках и особенностях самоплагиата можно прочитать в материалах Committee on Publication Ethics (COPE)¹⁵.

Опыт работы с жалобами, поступающими в Совет по этике научных публикаций, свидетельствует, что на практике за появление множественных публикаций несут ответственность две стороны: авторы (они находят самооправдание в том, что таким образом помогают распространению научного знания) и сами издания (через подобные практики они решают проблему наполнения очередного выпуска — иногда даже без ведома авторов публикаций). Множественные публикации искусственно раздувают публикационную активность, увеличивают нагрузку на редакторов и рецензентов, искажают результаты метаанализа и библиометрические показатели, а также затрудняют подготовку обзоров литературы.

Третья особенность — **симулирование**. Она касается как самих текстов (симулируются исследования, выводы, списки литературы, создаются псевдонаучные статьи и экспертные заключения), так и авторства (оно может быть приписное (ученый не участвовал в исследовании, но его фамилия вносится в список авторов с расчетом на его популярность и то, что коллеги по цеху обязательно станут цитировать известного исследователя), номинальное (ставится в список авторов аспирант или научный руководитель, не участвовавшие в исследовании), подарочное (в благодарность за те или иные заслуги или как форма взятки))¹⁶, рецензирования.

В последние годы с академической нечестностью¹⁷ активно борются не только «Диссернет» и Совет по этике научных публикаций, но и РИНЦ. В 2017 г. из своей базы он исключил 344 журнала¹⁸, публиковавших псевдонаучные материалы, которые эксперты отнесли к «мусорным». А через год, в 2018 г., были исключены из РИНЦ более восьми тысяч сборников трудов заочных конференций, а также труды конференций, которые не позиционировались по форме проведения как заочные, но в действительности не проводились. В подавляющем большинстве исключенные издания представляют собой мультидисциплинарные платные сбор-

¹⁵ Self plagiarism [Электронный ресурс] // COPE. URL: <http://publicationethics.org/case/self-plagiarism> (дата обращения: 05.08.2018).

¹⁶ Об этом см. ниже.

¹⁷ Сафонова М., Соколов М. Формальная социология академической нечестности [Электронный ресурс] // Полит. ру. 20.03.2016. URL: http://polit.ru/article/2016/03/20/safonova_sokolov/ (дата обращения: 05.08.2018).

¹⁸ Список исключенных журналов доступен на сайте eLibrary.RU в каталоге журналов, фильтр «Исключен из РИНЦ»: <http://elibrary.ru/titles.asp?risc=2&sortorder=0> (дата обращения: 05.08.2018).

ники статей, которые не проходили научное рецензирование или отбор программным комитетом конференции. С 2018 г. для сомнительных изданий РИНЦ ввел правило обязательного предоставления рецензий. Но, похоже, эта «карательная» практика оказалась малоэффективной, поскольку вместе с сомнительными статьями стали приходить и сомнительные экспертные заключения.

В 2017 г. создана «Диссеропедия российских научных журналов» (проект «Диссернет»), в том же году — по аналогии с Retraction Watch — в России введена практика отзыва научных текстов от публикации, создана единая база ретрагированных текстов. На странице Совета по этике научных публикаций АНРИ оговариваются следующие процедуры ретракции: отзыв текста от публикации; механизм исправления опубликованной информации и оповещения читателей о том, что публикация содержит серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может быть результатом простого заблуждения или осознанных нарушений. Ретракция также используется для предупреждения читателей о случаях дублирующих публикаций (когда авторы представляют одни и те же данные в нескольких публикациях), плагиата и сокрытия конфликтов интересов, которые могли повлиять на интерпретацию данных или рекомендации об их использовании.

Четвертая типовая болезнь российских научных публикаций — подготовка материалов при содействии **недобросовестных посредников**. Прикрываясь тем, что они якобы выводят отечественную науку на международный уровень, такие посредники «дорабатывают» материалы, фабрикуя и фальсифицируя данные в них, выдавая труд одних людей за труд других, продвигая тексты в сомнительные издания. Но с точки зрения бюрократов здесь проблемы нет, поскольку отчет идет по количеству текстов российских авторов в зарубежных изданиях — формально все в порядке.

Мёртвые души российской науки

Отдельный сюжет — практики **приписного (со)авторства**. В российской науке они довольно распространены и имеют многолетнюю историю, восходящую как минимум к поздним советским временам. Эта тема требует обстоятельного рассмотрения и нуждается в специальном исследовании, поскольку сам феномен приписного соавторства, как и смежный с ним феномен написания научных работ на/под заказ, весьма разнороден, следовательно, предполагает постановку и решение задач эмпирической классификации и описания несходных случаев, подпадающих под общую рамку указанной группы фактов в целом.

В отдельных советских научно-образовательных учреждениях действовали целые «бригады» по производству текстов, обслуживавших руководящий корпус, иногда конкретное лицо — директора того или иного института, ректора, декана, начальника подразделения и т. д. (и все или многие «инсайдеры» организации об этом знали или догадывались). Эта «добрая» традиция, разумеется, не забыта и в наши дни.

В ряде современных российских научных институтов и университетов включение в список соавторов руководителя или целой иерархической цепочки руководителей, независимо от их реального отношения к публикуемому ма-

териалу, является вариантом нормы, чем-то почти само собой разумеющимся. Контекст и функциональный смысл подобных практик — когда один за другого пишет, — могут различаться. Обычно такого рода трансакции в академическом поле предстают в сознании их участников как обоснованный суровыми буднями научной жизни взаимовыгодный обмен: один [батрак] пишет, другой [хозяин, патрон] пробивает (публикацию, финансирование, лоббирует проект, и т. д.); или один пишет, другой оказывает содействие в продвижении по службе, способствует карьере подчиненного, организует получение тех или иных личных благ и т. д. Тот, кто фактически готовит материал, может числиться в списке соавторов, а может и вовсе остаться инкогнито (в таком случае речь идет о публикации с поддельным авторством — услуге, оказываемой за особое вознаграждение, необязательно материальное).

Почти всегда признаком хорошего тона для субъекта, реально не являющегося автором научной работы, но записанного в таковые и наделенного связями и административным ресурсом, становится принцип «не остаться в долгу». На заседаниях редколлегий научных журналов при рассмотрении достоинств и недостатков рукописей, подготовленных в соавторстве исследователями разного иерархического веса, нередко можно слышать: с просьбой о доработке статьи надо обращаться к «младшему» (соавтору), «старший» ее, скорее всего, даже не читал! Однако эти обмены во многих случаях нельзя считать ни симметричными, ни добровольными. А иногда их следовало бы рассматривать как своего рода дань, ренту, отчасти сходную с реализацией сеньориального «права первой ночи» (ни одна строчка не выйдет из-под пера сотрудника этого института в печать без заинтересованного «отеческого благословения» академика N). Сокурсники одного из соавторов настоящей статьи на переменах в курилках недоумевали: из совокупного корпуса рекомендуемой для изучения литературы по разным предметам и по весьма обширной проблематике ошутимую долю составляли тексты, среди создателей которых повторялось имя одного и того же человека, наделенного высшими формальными регалиями и статусом в известной научной дисциплине. У всех возникал один и тот же вопрос: не может же он, в самом деле, быть таким всеведущим, знатоком всего и вся, да еще и столь плодovitым?

С другой стороны, к приписному соавторству может подталкивать и «дискриминационная» редакционная политика самих научных журналов, склонных к введению ограничений на объем и количество принимаемых к рассмотрению статей, написанных аспирантами и неостепененными авторами, относящихся к таким материалам в некотором роде как к второсортному интеллектуальному продукту.

Благими намерениями...

Современные институции, управляющие отечественными научными изданиями, декларируют нацеленность на их выведение на более высокий профессиональный уровень, совершенствование контента, практик редактирования и рецензирования. Чтобы научные тексты становились лучше, было предпринято несколько шагов с разных сторон: 1) сами журналы стали внимательнее следить за текстами, проверять их на плагиат; 2) вузы начали отбирать издания,

в которых уместно публиковаться их сотрудникам; 3) появились разного рода экспертизы изданий, к которым приглашаются ведущие специалисты в конкретных отраслях.

Но, как известно, у любой медали есть две стороны. Проанализируем, во что обходится благие намерения научным журналам.

1) **Проверка на плагиат.** Самым неожиданным образом хорошая задумка¹⁹ обернулась катастрофой. Во-первых, издания повсеместно ввели допустимую норму оригинальности, фактически заявив, что врать и воровать можно, но в умеренных количествах. Требование проверки на плагиат выродилось в компромиссы, допускающие и оправдывающие плагиат на страницах научных изданий. Ответ «Совету по этике» от одного из российских изданий: «...У нас на сайте заявлена оригинальность 70 %... 25 % плагиата, обнаруженного вами, как понимаете, значения не имеет».

Научная работа вузами, журналами, самими учеными понимается теперь как процент уникального текста. Научные издания фактически разрешают и поощряют такой подход, а университеты, выпускающие вестники и журналы, закрепляют его. В качестве примера можно привести кейс регионального университета, одна из сотрудниц (со стажем работы в вузе более 35 лет) стабильно ставит плагиат в свои статьи, всегда строго в размере 30—40 %. На обращение Совета по этике научных публикаций университет ответил, что не видит здесь нарушений, норма оригинальности по ВКР у них 60 %. То, что научная статья не является ВКР и не должна оцениваться по ее стандартам, что плагиат в принципе недопустим, — руководство университета принимать во внимание отказывается, оставаясь на стороне сотрудника с сомнительной репутацией.

РИНЦ также ввел параметр «Средняя доля заимствованного неавторского текста в статьях журнала за год, %». Результат этого нововведения: журналы заставляют авторов переписывать фрагменты собственных диссертаций (если статья не была опубликована до защиты) с тем, чтобы не иметь проблем в РИНЦ по этому показателю.

2) **Качество изданий.** Ведущие университеты страны, борясь с публикациями сотрудников в изданиях-хищниках, ввели нормативы по числу статей, белые и черные списки изданий. Это со всех точек зрения благое начинание, к сожалению, тоже имеет оборотную сторону. На смену ситуации, когда авторы массово публиковали сомнительные тексты в сомнительных изданиях, занимались плагиатом и самоплагиатом, пришли менеджериализация и метрофрения как установки контролирующей исследовательскую деятельность инстанций. Укрепилась наивная, но агрессивная вера в цифры, в уловимость ими репутации, научного знания. Как отличить хороший журнал от плохого, если ты управленец, а не ученый или редактор? Удобно довериться количественным показателям...

Например, в НИУ ВШЭ надбавка первого уровня назначается только за публикации в изданиях Q1 и Q2. Получается, что самые «сильные» авторы уходят в самые «сильные» (как правило — иностранные) издания, поскольку еще одним призна-

¹⁹ Рекомендация ВАК Минобрнауки России от 15 июня 2017 г. № 1-пл/1, п. 4.3.1 «организациям — учредителям изданий, включенных в перечень ВАК... обеспечить с 1 января 2018 г. проверку представляемых к опубликованию рукописей на наличие неправомерных заимствований».

ком «хорошего» издания оказалась его англоязычность. Подробнее об издержках такого «языкового империализма» и смежных вопросах, непосредственно связанных с темой настоящей статьи, см. в Приложении 4, в котором приведено Открытое письмо академика Валерия Тишкова, адресованное М. М. Котюкову в его бытность руководителем ФАНО. В связи с этим вспоминается известное «полушуточное» замечание Гегеля: «мою теорию нельзя изложить ни проще, ни короче, ни по-французски...».

На сферу научных изданий распространилась логика капиталистического мира: богатые становятся богаче, а бедные — беднее, у сильных изданий ситуация вряд ли изменится, у средних и слабых — едва ли категорически улучшится. Мы наблюдаем консервацию неуспеха в среде российских научных журналов. При подобной политике университетов у изданий фактически нет перспектив развития, поскольку они напрямую и неизбежно сопряжены с авторами, которые больше не вправе выбирать, где они хотят публиковаться. Если раньше репутация издания была понятна по кругу ученых, публикующемуся в нем, и могла меняться, например, в зависимости от качества работы редакции, смены состава редакционной коллегии, главного редактора, сегодня и это невозможно. Как можно журналу перейти из одного квартиля в другой, если с ним не рекомендовано работать сильным авторам? Что надо сделать изданию, чтобы, будучи в Q1, он опустился в Q4? Попав в лидеры единожды, издание обретает это право на века?

Как мы можем наблюдать, определенный сегмент журналов закрепил свои позиции (заслуженно или в результате лоббирования); эта группа изданий задает свои правила игры, благодаря которым поддерживается сложившееся status quo. Так благополучие одних изданий достигается ценой неблагополучия других. На последних ложатся и все негативные последствия подобной политики — от провальных попыток обеспечить рецензирование в условиях дефицита ресурсов до перманентной работы с колоссальным потоком слабых статей. Так закрываются научные границы, свобода и возможности роста остаются у единиц.

3) **Экспертиза изданий.** В последние годы стали популярны разного рода экспертизы, к которым привлекаются известные ученые, имеющие много публикаций и высокие наукометрические показатели. Тоже хорошая, на первый взгляд, инициатива. Как минимум — удобная, поскольку здесь можно все легко посчитать. Вот перед вами эксперт, вот количество (не качество!) его статей, вот его индекс Хирша, вот количество цитирований его статей за последние пять лет. Тот факт, что среди этих людей есть не только добросовестные ученые, но и представители «академических банд», люди, за которых писались тексты, «хирши» и цитирования которых росли благодаря «преступным сговорам», во внимание не принимается²⁰.

Репутационные механизмы оказались уничтожены, поэтому все опирается на цифры, которые, к сожалению, нередко лукавят. Опротестовать результаты этих экспертиз издания не могут, задать вопросы — тоже. Отчасти это объяснимо желанием

²⁰ Суть феномена рейтингования научного авторитета (применительно к ситуации в российской социологии) емко и с известной резкостью выразил Д. М. Рогозин: «Рейтинги — это очередные игры и мода на научные видимости. Нормальные исследователи делают свое дело, ненормальные — накручивают Хирш. Потому и рейтинг в своих высотах очень хорошо выделяет ненормальных. Стоит посмотреть на первую десятку ученых по РИНЦу, и станет ясно, от кого следует держаться подальше, дабы не заразиться вирусом имитации и тщеславия» [Бекарев и др., 2018: 182]. Хотя есть подозрения, что «нормальными» в этой терминологии могут считаться лишь единицы.

избежать мощного давления недобросовестных изданий и «крестных отцов» российской науки. Но отсутствие обратной связи и возможности понять реальные критерии селекции изданий ставит научные журналы в убогое положение, принуждая молча принимать на себя те или иные ярлыки. Даже отбор в ведущие зарубежные базы данных не обходится без проблем. Совет по этике научных публикаций столкнулся с тем, например, что отбор российских научных изданий в RSCI имеет системные ошибки, которые с большим трудом и очень медленно исправляются. К сожалению, никого не волнует, во что они обходятся изданиям и авторам²¹. Равно никто не несет ответственности за них. То есть власть в области отечественной научной периодики оказалась в руках счетоводов, менеджеров и тайных экспертов, которые за последствия своих решений и ошибок ни перед кем не отвечают.

Пороховая бочка эффективного контракта и иные рычаги стимулирования публикационной активности

Заслуживает особого внимания и вопрос о социальных последствиях включения публикационной составляющей в системы требований, предъявляемых университетским преподавателям и научным работникам в рамках «эффективных контрактов». Сам по себе переход к эффективному контракту был мощным ударом по чудом уцелевшим остаткам профессиональной автономии ученых и вузовского ППС. Важнейшей характеристикой новой системы найма являются сроки действия трудовых договоров: на смену «ленивым и старомодным» пятилетним во многих местах пришли годовые и двухлетние контракты. И дело не только в том, что медленным *par excellence* видам деятельности навязываются не свойственные им быстрые темпы.

Если преподаватель только что переизбрался на новый срок, нужно почти сразу же начинать готовиться к следующему переизбранию. При одно-двухлетнем цикле переизбрания ППС процесс бюрократического документооборота, касающегося кадровых вопросов, становится фактически перманентным. Преподавателей одолевает круглогодичная гнетущая тревога, связанная с боязнью не переизбраться. Эффективные менеджеры с легкостью избавляются от работников, не вписавшихся в формат нововведений. Поэтому сотрудникам кафедр приходится шевелиться: не в смысле заниматься наукой и преподаванием, а приводить личное дело и текущую фазу послужного списка в порядок, то есть в соответствие с ожиданиями управленцев (реальный вклад в науку того или иного работника и его педагогическое мастерство как компоненты фактической репутации мало кого интересуют).

Среди конкурсных требований, предъявляемых к претендентам на вакантные должности, значатся и публикации²² (BAK, WoS/Scopus, определенные кватили),

²¹ Аналитическая записка о второй версии Russian Science Citation Index на платформе WoS (RSCI-2018). [Электронный ресурс] // Троицкий вариант. № 16. 14.08.2018. URL: <https://trv-science.ru/2018/08/14/rsci-2018/> (дата обращения: 14.08.2018).

²² К примеру, согласно правилам СПбГУ, в списке своих научных и учебно-методических работ, которые предоставляет соискатель на замещение вакантной должности, теперь он будет указывать не только название и выходные данные публикации, но и индекс цитируемости каждой работы по наукометрическим базам данных Web of Science, Scopus или РИНЦ (Приказ № 2429/1 «Об учете цитируемости научных и учебно-методических работ при замещении должностей научно-педагогических работников в СПбГУ»).

причем количественная планка год от года поднимается — без всяких разумных оснований, если не считать таковым желание руководства продемонстрировать кому-то (то есть поддержать иллюзию), что учреждение движется по пути прогресса, «впереди планеты всей». Лейтмотивом коридорных разговоров и жалостливых вопрошаний коллег в университетах все чаще становится один и тот же сюжет — где бы опубликоваться? В особенно трудном положении оказываются представители сервисных кафедр и подразделений, традиционно мало публикующихся, например, преподаватели иностранных языков или общеобразовательных дисциплин, поскольку от них тоже требуют изображать из себя мощных двигателей науки, хотя их основная деятельность этого вовсе не предполагает.

Новейший публикационный ажиотаж в жизни ученого, пришедший на смену традиционной библиотечной тишине, усиливается и благодаря менеджеральной эксплуатации иных способов стимулирования научной деятельности. В каждом вузе и академическом институте действуют определенные регламенты (и притом постоянно пересматриваемые) поощрения профессиональной активности сотрудников, в том числе публикационной, предполагающие начисление разного рода доплат и надбавок. При этом в разных организациях используются разные схемы. Стратегия позитивного санкционирования сводится к принципу: если вы будете публиковаться в нужных местах — мы будем вас премировать (разово или на регулярной основе). Возможна и альтернативная стратегия, куда более жесткая (и ресурсосберегающая): если вы будете публиковаться, мы вас, может быть, просто не уволим, переизберем на новый срок, но денег лишних не дадим.

Также варьируются и способы распределения стимулирующих средств: либо всем в разных долях в зависимости от определенной шкалы, оценивающей количественные и качественные показатели индивидуального публикационного потока, то есть кому-то больше, кому-то меньше; либо в соответствии с лозунгом «победитель получает все», когда поощряют (довольно существенно) только рекордсменов, обрекая прочих (коих абсолютное большинство) на голый оклад и заставляя чувствовать себя проигравшими лишь на том основании, что им не удалось взять заведомо непреодолимую высоту — планку, которая постоянно и предательски повышается, выступая к тому же обычно совершенно нерелевантным средством оценки реальных публикационных возможностей авторов, не потому что они слабаки, а потому что уровень планки устанавливается в расчете на его слабую досягаемость, либо потому что сама планка кривая. (Например, статьи засчитываются, а монографии и учебники нет, или признаются лишь статьи определенного объема, заданных параметров, опубликованные в журналах определенных категорий, рангов, кварталов — среди которых изданий по ряду специальностей может просто не быть. Поэтому, скажем, автор статьи, посвященной классификации кольчатых червей, оказывается в более привилегированном и выгодном положении в сравнении со специалистом по истории средневекового китайского театра).

Многие социальные проблемы, равно как и кризисно-дисфункциональные состояния организма и психики, обладают чрезвычайной инерционностью. Постановка диагноза сама по себе не ведет автоматически к попыткам справиться

ся с болезнью и выздоровлению. Тем более, если среди сил, способных определять повестку дня в жизни системы, нет согласия относительно способов лечения и самой его необходимости, как и готовности к сотрудничеству и конструктивным солидарным действиям. Процесс саморазрушения системы может продолжаться долго, а удельный вес функциональных и дисфункциональных последствий, влияющих на ее общую жизнеспособность, — постоянно изменяться.

Группы, вдохновленные менеджериальной идеологией, занимающие весомые позиции во властных иерархиях институтов науки и высшего образования, — умышленно или нет, но скорее повинувшись имманентной логике развития глобального капитализма и выступая в роли адептов и поборников формально-инструментальной рациональности, — направляют движение подведомственных им сфер по пути, который другие игроки (практикующие ученые как носители рефлексивного мышления и ценностной рациональности особого рода) не без основания считают губительным и тупиковым. Названные модели рациональности ведут необъявленную войну друг с другом, и уже давно (разумеется, не только в России²³). Но силы неравны: первая как будто бы побеждает, вторая вроде бы проигрывает. Российские ученые и преподаватели, размышляющие о перспективах развития своих профессиональных областей (в широком смысле), нередко с грустью в глазах называют самих себя и своих коллег «уходящей натурой», «вымирающим человеческим типом».

Есть ли пределы и границы всемирно-исторических амбиций формальной рациональности? Макс Вебер полагал так: «когда прогорит последний центнер горячего». А покуда не прогорел²⁴, у участников драмы есть право критического взгляда на происходящие события, даже если сопротивление доминирующим тенденциям кажется малоперспективным и обреченным на неудачу. Но сопротивление по идейным (или иным) основаниям все-таки имеет определенный смысл. Упомянувшийся выше Дж. Ритцер завершает одну из последних глав своей нашумевшей книги, носящую название «Как справляться с макдональдизацией», адресацией к тому же Веберу (образ «железной клетки» рациональности и «ледяной полярной ночи» впереди), побуждая вспомнить строки Дилана Томаса:

Не уходи безропотно во тьму,
Будь яростней пред ночью всех ночей,
Не дай погаснуть свету своему!
Хоть мудрый знает — не осилишь тьму
Во мгле словами не зажжешь лучей —
Не уходи безропотно во тьму...

²³ Исследователи глобальных трансформаций в сфере науки и образования, происходящих с известными вариациями в разных странах, констатируют становление «академического капитализма», сопровождающееся мутациями ценностных оснований и традиционных мотиваций научной деятельности, воплощающимися в постепенном превращении *homo academicus* в разновидность *homo oeconomicus* [Lenger, 2018].

²⁴ При этом технократической рациональности (правда, не без помощи науки) удается постоянно изыскивать и утилизировать новые источники энергии, — как природной, так и человеческой. В этом смысле ждать прогорания последней тонны угля, барреля нефти и т. п. можно долго.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88—111.

Abramov R., Gruzdev I., Terentev E. (2017) Working Time and Role Strains of Research and Teaching Staff in a Modern Russian University. *Educational Studies (Moscow)*. No. 1. P. 88—111. (In Russ.)

Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Академический профессионализм в эпоху перемен: ролевые субидентичности и трансформация бюджетов времени // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 136—152.

Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentiev E. A. (2015) Academic professionalism in the era of change: sub-identities and transformation of time-budgets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 136—152. (In Russ.)

Ашкеров А. Ю. Экспертотократия. Управление знаниями. (Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма). М.: Европа, 2009.

Ashkerov A. Yu. (2009) Expertocracy. Knowledge Management (The production and circulation of information in the era of ultra-capitalism). Moscow: Europe. (In Russ.)

Балацкий Е. В. «Диссертационная ловушка» // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 92—104.

Balatsky E. V. (2005) «Dissertational Trap». *Free Thought*. No. 2. P. 92—104. (In Russ.)

Батыгин Г. С. «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов в науке: аналитический обзор // Этика науки. Вестник. Вып. 18 / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ Прикладной Этики, 2001. С. 161—185. URL: https://www.tyuiu.ru/media/files/2011/11_03/vedomosti-18.pdf.

Batygin G. S. (2001) “The Matthew Effect”: Cumulative Advantage and Status Distribution in Science. *Vedomosti*. Issue. 18. Tyumen: Research Institute of Applied Ethics. P. 161—185. (In Russ.) URL: https://www.tyuiu.ru/media/files/2011/11_03/vedomosti-18.pdf.

Бекарев А. М., Девятко И. Ф., Журавлев О. М., Николаев В. Г., Оберемко О. А., Подвойский Д. Г., Радаев В. В., Резник Ю. М., Rogozin D. M., Щербина В. В. Современная отечественная социология: состояние и перспективы развития // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. Вып. 1—2. С. 158—191.

Bekarev A. M., Devyatko I. F., Zhuravlyov O. M., Oberemko O. A., Podvoyskiy D. G., Radaev V. V., Rogozin D. M., Scherbina V. V. (2018) Contemporary Russian sociology: state and development prospects. *Personality. Culture. Society*. Vol. 20. No. 1—2. P. 158—191. (In Russ.)

Захарчук Т. В. Оценка научного труда в библиотечно-информационной сфере // Научные и технические библиотеки. 2017. № 8. С. 18—27.

Zakharchuk T. V. (2017) Assessment of scientific work in the library and information sphere. *Scientific and technical libraries*. No. 8. P. 18—27. (In Russ.)

Кабацков А., Лейбович О. «По духу времени и вкусу...»: доцент как невольник // Новое литературное обозрение. 2016. № 142. Т. 2. URL: <https://www.nlobooks.ru/>

magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12338/ (дата посещения: 05.08.2018).

Kabatskov A., Leibovich O. (2016). «By Zeitgeist and taste...»: The Associate Professor as Slave. *New literary observer*. No. 142. Vol. 2. (In Russ.) URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12338/ (accessed 05.08.2018).

Кулешова А. В. Парадоксы современной научной публикационной активности // Сб. тезисов конференции «Научное издание международного уровня — 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций». Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького. 2016. С. 155—161.

Kuleshova A. V. (2016) Paradoxes of modern scientific publication activity. In: report materials of the 5th International Scientific and Practical Conference «World-Class Scientific Publication — 2016: Publishing Ethics, Peer-Review and Content Preparation». Ekaterinburg: The Ural State University. P. 155—161. (In Russ.)

Кулешова А. В. От Совета по этике научных публикаций ассоциации научных редакторов и издателей // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 159—164.

Kuleshova A. V. (2017) The council's on the scientific publications ethics (Russian association of scientific editors and publishers) address. *Sociological Studies*. No. 5. P. 159—164.

Лейбович О. Л., Шушкова Н. В. На семи ветрах: институт высшего образования в постсоветскую эпоху. Новые явления в российском высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1 (25). С. 139—156.

Leybovich O. L., Shushkova N. V. (2004) On the seven winds. Institute of Higher Education in the Post-Soviet era. New phenomena in Russian higher education. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004. Vol. VII. № 1 (25). P. 139—156. (In Russ.)

Мотрошилова Н. В. Недоброкачественные сегменты наукометрии // Вестник РАН. 2011. № 2. С. 134—146.

Motroshilova N. V. (2011) Poor-quality segments of sciencemetry. Herald of the Russian Academy of Sciences. No. 2. P. 134—146. (In Russ.)

Николаев В. Г. Социальная организация времени и жизненный мир // Вопросы социальной теории. 2017. Т. IX. С. 284—293. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2017/2017-9-21.pdf> (дата посещения: 05.08.2018).

Nikolaev V. G. (2017) Social organization of time and life in the world. Questions of social theory. Vol. IX. P. 284—293. (In Russ.) URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2017/2017-9-21.pdf> (accessed 05.08.2018).

Орлов А. И. Наукометрия и управление научной деятельностью // Управление большими системами. 2013. Спец. вып. 44: «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой». С. 538—568.

Orlov A. I. Scientometrics and research management. *Large-Scale Systems Control*. No. 44. P. 538—568. (In Russ.)

Подвойский Д. Г. «Спор о методе» раунд № ... (По поводу одной Интернет-дискуссии) // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 113—119. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16218754_34489571.pdf (дата посещения: 05.08.2018).

Podvoiskiy D. G. (2011) «The dispute about the method» round no... (Concerning one Internet discussion). *Sociological Studies*. No. 4. P. 113—119. (In Russ.) URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16218754_34489571.pdf (accessed: 05.08.2018).

Ритцер Дж. Макдональдизация общества. М. : Праксис : ВЦИОМ, 2011.
Ritzer G. (2011) *The McDonaldization of Society*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Селье Г. От мечты к открытию : Как стать ученым. М. : Прогресс, 1987.
Selye H. (1987). *From Dream to Discovery: On Being a Scientist*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Соколов М. М. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: Случай социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 8—31.
Sokolov M. M. (2008) The problem of consolidating academic authority in post-Soviet science: The Case of Sociology. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 9. P. 8—31.

Сорокин П. А. Квантофрения // Рубеж (альманах социальных исследований). 1999. № 13—14. С. 4—35.

Sorokin P. A. (1999) *Quantophrenia*. *Frontier* (Social Research Almanac). No. 13—14. P. 4—35. (In Russ.)

Уайт У. Х. Организационный человек // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. № 3—4. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_9158387_98078439.pdf (дата посещения: 05.08.2018).

White W. H. (2003) *The organization man*. *Personality, Culture, Society*. Vol. 3. No. 3—4. (In Russ.) URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_9158387_98078439.pdf (accessed: 05.08.2018).

Юревич А. В., Цапенко И. П. Фетишизм статистики: количественная оценка вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3. № 3. С. 7—23. URL: http://sst.nw.ru/wp-content/uploads/2017/02/2012_3-sociology.pdf (дата посещения: 05.08.2018).

Yurevich A. V., Tsapenko I. P. (2012). *The Fetishism of the Statistics: a quantitative Assessment of the Contribution of Russian Social Sciences and Humanities to World Science*. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 3. No. 3. P. 7—23. (In Russ.) URL: http://sst.nw.ru/wp-content/uploads/2017/02/2012_3-sociology.pdf (accessed: 05.08.2018).

Collins H. (1982) Knowledge, norms and rules in the sociology of science. *Social Studies of Science*. No. 12. P. 299—309.

Gieryn Th. (1983) Boundary-Work and Demarcation of Science form non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 6. P. 781—795. DOI: 10.2307/2095325.

Lenger A. (2018). Socialization in the Academic and Professional Field: Revealing the Homo Oeconomicus Academicus. *Historical Social Research*. Vol. 43. (In print).

Merton R. K. (1988) The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. *ISIS*. 1988. V. 79. P. 606—623.

Scheff T. J. (1995) Academic gangs. *Crime, law, and social change*. Vol. 23. No. 2. P. 156—168.

Приложение 1

Положение об эффективном контракте в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет». Помимо приведенных здесь документов рекомендуем также ознакомиться с такими положениями, как «Электронные (цифровые) формы» и «Стимулирующая часть». Доступно на сайте организации по адресу URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/contract/EKkontrakt_prii2_NR.pdf.

ПОКАЗАТЕЛИ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

Базовая часть

Наименование должностей научных работников	Суммарный объем представляемого текста за год (печатных листов)		Количество публикаций, индексируемых в базах данных		Индекс Хирша РИНЦ, не менее	Доклады на научных конференциях	
	Общий объем	Публикации	Зарубежных (Web of Science, Scopus, ERIH, иные)	РИНЦ		Всего	В т. ч. международных
Младший научный сотрудник	1	2	0	2	0	1	0
Научный сотрудник	3	4	1	4	1	2	1
Старший научный сотрудник	5	5	2	5	2	3	2
Ведущий научный сотрудник	5	6	3	6	3	4	2
Главный научный сотрудник	7	7	4	7	5	5	2

Коэффициенты условного объема текста (для учета результатов в базовой части)²⁵

№	Вид результатов научной деятельности	Повышающие/понижающие коэффициенты и условные объемы текста
1	Монография на иностранном языке	30—70 % от основного объема
2	Глава (раздел) в коллективной монографии на иностранном языке	30—70 % от основного объема
3	Научная статья на иностранном языке	30—70 % от основного объема
4	Текст доклада на иностранном языке	30—70 % от основного объема

²⁵ Решение о величине повышающего коэффициента в каждом конкретном случае принимается Научно-экспертным советом РГГУ. Для граждан иностранных государств, работающих в РГГУ, для которых русский язык является иностранным, устанавливаются аналогичные повышающие коэффициенты для работ на русском языке. Повышающий коэффициент издания на иностранных языках устанавливается в зависимости от места издания.

5	Тезисы доклада на иностранном языке	30—70 % от основного объема
6	Научная рецензия на иностранном языке	30—70 % от основного объема
7	Научные словари: лингвистические (этимологические, диалектные, социолектные и т. д.), терминологические, ономастические, лингвострановедческие и культурологические, толковые и пр., в том числе словари редких («мертвых», древних, восточных) языков	Приравняется к авторскому тексту
8	Научно-популярная книга/брошюра	Минус 20 % от основного объема
9	Научно-популярная статья	Минус 20 % от основного объема
10	Перевод с древних и/или восточных языков вместе с научным аппаратом (предисловие, научные комментарии, языковые и реальные примечания и пр.)	Приравняется к авторскому тексту
11	Перевод с иных языков	0,4 п. л. за 1 п. л. перевода
12	Обработка экспедиционных (лингвистических, фольклорно-этнографических, антропологических, археологических и пр.) материалов, архивных документов	0,4 п. л. за 1 п. л. обрабатываемого текста
13	Доклад на русском языке	0,5 п. л.
14	Доклад на иностранном языке	1 п. л.
15	Реферат книги/обзор литературы по теме (на русском языке/на иностранном языке)	0,1 п. л. объема реферируемых текстов
16	Отчет о научной конференции, научной экспедиции, музейной выставке	0,5 п. л.
17	Каталог выставки	0,5 п. л. (объем может быть откорректирован соответственно размерам выставки)
18	Составление/редактирование серии, продолжающегося издания, научного сборника, коллективного труда или его раздела	0,1—0,3 п. л. планируемого общего объема

Приложение 2

Изменения стимулирующей части Приложения № 2 «Показатели и критерии эффективности деятельности научных работников» к Положению об эффективном контракте в ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Презняя редакция	Новая редакция
<p>Пункт 1.8: Защита диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата или доктора наук</p>	
<p>Баллы начисляются научному руководителю или научному консультанту за полугодие за каждого защитившегося</p>	<p>Баллы начисляются научному руководителю или научному консультанту за полугодие за каждого защитившегося работника РГГУ, аспиранта или соискателя РГГУ</p>
<p>Пункт 1.22: Руководство постоянно действующим научным семинаром, студенческим научным объединением в РГГУ</p>	
<p>Баллы начисляются за полугодие за руководство каждым семинаром или объединением</p>	<p>Баллы начисляются за полугодие за руководство каждым семинаром или объединением при условии включения семинара, объединения в Перечень научных мероприятий РГГУ</p>
<p>Пункт 1.23: Журнал «Вестник РГГУ»</p>	
<p>Журнал «Вестник РГГУ»: — главный редактор серии — ответственный за выпуск</p>	<p>Научный журнал, учредителем которого является РГГУ: — главный редактор — ответственный за выпуск</p>
<p>Пункт 3.1: Выступление в общественно-политических и культурно-просветительских теле- и радиопередачах с аффилиацией РГГУ (1 балл) — изложить в новой редакции: Пункт 3.1: Выступление в общественно-политических и культурно-просветительских теле- и радиопередачах с аффилиацией РГГУ; публикация статьи, экспертного комментария в СМИ (кроме научных) с аффилиацией РГГУ (1 балл)</p>	
<p>Балл начисляется за каждые три выступления, но не более чем за девять выступлений в полугодие</p>	<p>Балл начисляется за каждые пять выступлений, статей, комментариев, но не более чем за пятнадцать выступлений (публикаций) в полугодие</p>
<p>Исключить пункт 3.2: Публикация статьи, экспертного комментария в СМИ (кроме научных) с аффилиацией РГГУ (1 балл)</p>	

Примечания

Прожняя редакция	Новая редакция
<p>Если разработка (публикация) осуществлена в соавторстве, то количество часов (баллов) делится между соавторами пропорционально вкладу каждого.</p> <p>Пропорция определяется соавторами</p> <p>Каждая научная публикация в разделе «Научно-исследовательская и научно- организационная работа» при начислении баллов учитывается только один раз</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. При указании в публикации двух и более аффилиаций у одного автора РГГУ должен быть указан в качестве первой аффилиации. 2. Если разработка (публикация) осуществлена в соавторстве без разделения авторства, то количество часов (баллов) делится между соавторами поровну. Если в работе есть разделение авторства, то количество часов (баллов) делится между соавторами пропорционально вкладу каждого. <p>За публикации, написанные в соавторстве с зарубежными учеными и опубликованные в авторитетных рецензируемых научных изданиях, баллы работнику РГГУ начисляются без разделения авторства.</p> 3. Каждая научная публикация в разделе «Научно-исследовательская и научно- организационная работа» при начислении баллов учитывается только один раз. 4. Если в публикации есть указание на то, что она выполнена при поддержке органов власти, фондов, иных организаций, осуществляющих грантовую деятельность, баллы за такую работу не начисляются.

Приложение 3

Открытый опрос в закрытой группе «Проблемы образования и науки» на Facebook (более 3,5 тыс. участников) www.facebook.com/groups/Nauchobrazovanie/permalink/640816722930662/ проведен с 8.05.2018 г. по 23.07.2018 г. администратором группы В. Ф. Тиллес с целью систематизации проблем ППС для представления их на спецзаседании специального заседания СПЧ 21.05.2018 г., посвященном нарушению прав участников образовательного процесса, включая ППС. В опросе приняли участие более 225 человек. В. Ф. Тиллес сгруппировала проблемы по следующим темам (www.facebook.com/groups/Nauchobrazovanie/permalink/700127316999602/).

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА	
тонны никому не нужных, бесполезных и вредных бумаг	225
НАГРУЗКА, ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ УЧЕБНАЯ НАГРУЗКА, ОТСУТВИЕ НОРМ ТРУДА (НОРМ ВРЕМЕНИ) НА УЧЕБНУЮ И ДРУГУЮ НАГРУЗКУ	
высокая нагрузка (превышающая мировую как минимум в 3 раза)	197
отсутствие отраслевых норм труда - норм времени учебной работы	69
В некоторых вузах аудиторная нагрузка преподавателей приближается к 36 часам в неделю. И это не противоречит законодательству.	39
Законодательно закрепить предельную норму учебной нагрузки педагогического работника вуза (суэза) на ставку - не более 520 часов в год.	15
36-час. учебная нагрузка в неделю - противозаконна, она нарушает право преподавателя на качественный труд и отдых, на сохранение здоровья!	11
Максимальная годовая аудиторная нагрузка не может превышать 750 часов (18 часов в неделю). Данный норматив действует для школьных учителей.	6
ЗАРПЛАТА	
низкие зарплаты	173
Очковтирательство с майскими указами, принудительные доли ставок	108
Полный произвол в зарплатных выплатах: возможность через стимулирующие платить сотрудникам одной должности зарплату с разницей в разы	94
ВРЕДНЫЕ УПРАВЛЯЮЩИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ СО СТОРОНЫ МИНИСТЕРСТВА	
попытка заменить академическую свободу формальными показателями (индексы Хирша, количество публикаций в Скопусах и т.д.)	170
подушевое финансирование, делающее отчисление нерадивых студентов практически невозможным	122
Измерение эффективности образования и науки деньгами = уничтожение важнейших общественных институтов	74
Дистанционное образование уничтожает студенческую среду	58
вмешательство МОН во внутренние дела вуза и детализированный контроль, ведущие к тонне отчетов, не увеличивающих прибавочную стоимость	48
Ложная Болонская система, не подкрепленная ни ресурсами, ни кадрами, ни законами. Только вред.	39
Клерикализация образования, появление кафедр теологии, часовен и т.п. в государственных ВУЗах	38
Компетентностный подход	27
Невозможно подготовить специалиста за 4 года. Нужно возвращать 5-летний специалитет.	27
КОНКУРС И ТРУДОВОЙ ДОГОВОР	
краткосрочные контракты	144
Конкурс на должность по кафедре - полная формальность. С выигравшим участником конкурса могут поступить как с невыигравшим	20
Конкурсный отбор превращен в фарс тем, что голосование за профессора и доцента ведется при участии учебно-вспомогательного персонала.	
УПРАВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОМ	
отсутствие выборности ректоров, выстраивание вертикали власти, отстранение НПР от управления университетом	129
непропорционально большое количество АУП	77
ученые советы, состоящие не из НПР, а из АУП	69
Кодексы этики как способ исключить критику руководства	42
Семейственность в руководстве, так называемое кумовство - родственники на управленческих, финансово-экономических должностях	11
МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ППС	
изношенная материальная база	83
сокращение учебно-вспомогательного персонала	50
Безобразное библиотечное обеспечение, сворачивание программ организации коллективного доступа к международным информационным ресурсам	16
Сокращение или полное уничтожение авторских курсов, факультативов. Универсализация высшего образования.	23
Подрывается и вымывается идея самого творчества и синтеза знаний. Всё сводится к пищевой пирамиде	21

Приложение 4

Открытое письмо руководителю ФАНО М. М. Котюкову от Академика-секретаря Отделения историко-филологических наук В. А. Тишкова. Текст письма взят с официального сайта Отделения историко-филологических наук Российской академии наук (URL: <http://hist-phil.ru/events/28/>).

Руководителю Федерального агентства
научных организаций
М. М. Котюкову
от Академика-секретаря Отделения
историко-филологических наук
В. А. Тишкова

Уважаемый Михаил Михайлович!

Поскольку академик В. Е. Захаров обратился к форме открытого письма для общения с Вами, я позволю себе этот же формат, тем более что до сих пор у нас не было с Вами каких-либо деловых встреч и разговоров. Такой формат продиктован также моей глубокой заинтересованностью в тех вопросах, которые обсуждаются в упомянутом письме. Академик Захаров ведет речь о всех науках, упоминая историю и филологию, и излагает свое видение ситуации и свое отношение к процессу реформирования российской науки. Соглашаясь с ним по ряду вопросов, позволю высказать некоторые уточнения и коррективы к позиции Захарова в той части затронутых им сюжетов, где чувствую себя не менее компетентным, чем уважаемый коллега.

Итак, сначала несколько слов о себе, чтобы выдержать предложенный жанр такого обращения. Я занимаюсь научным трудом ровно полвека, если считать с момента первой публикации, и список моих трудов превышает 400 названий, из которых около 20 научных монографий и около 40 коллективных трудов, подготовленных под моей редакцией. Мой индекс научного цитирования и международный индекс Хирша (26) — самые высокие среди российских гуманитариев, а три монографии переведены на китайский язык и две изданы на английском языке в престижных западных издательствах. И опыт научно-организационной работы у меня более чем значительный: 25 лет директор Института этнологии и антропологии РАН, 10 лет — заместитель Академика-секретаря и руководитель Секции истории, а в настоящее время — Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН. Не буду судить о прошлой работе Академии, ее Президиума и о причинах реформы. Не могу оценить и компетенцию создаваемых ФАНО высшего научного совета и комиссии по оценке эффективности научных учреждений, ибо не вхожу в их составы. Но вот по двум вопросам, затронутым в письме академика Захарова, которые касаются гуманитарных наук, скажу следующее.

Первое. Да, есть единая мировая наука и нет никакой отдельной российской математики или физики, как считает академик Захаров. Но и есть российская наука, вполне суверенная, самодостаточная, абсолютно затребованная российским

обществом и признанная в мире. Речь идет о таких гуманитарных дисциплинах, как история, археология и этнология, а также филология, которая состоит из лингвистики, литературоведения и фольклористики. В той части, где речь идет об отечественной тематике, язык этой науки — русский, а не английский или какой-то еще другой. В этом огромном домене научного знания работают несколько тысяч специалистов, которые пишут на русском и могут даже не знать иностранных языков, но при этом имеют выдающиеся результаты и обладают мировой известностью. Однажды ныне покойный Клод Леви-Стросс признался мне, что прибежал к частной переводчице, чтобы прочитать труды В. Я. Проппа и М. М. Бахтина на русском и без этих текстов у него бы не получилось создать структурную антропологию.

Многие, если не большинство, западных «русистов» предпочитают читать наши труды на русском языке, а не на суррогате английского. На английском можно и, возможно, нужно писать и публиковаться, в том числе и гуманитариям, но труды по истории русского летописания, документальные архивные публикации, история России и ее народов, фольклорные и языковые студии могут и должны быть только на русском. Или на языках народов России (например, бурятском, татарском или якутском), но с необходимым русскоязычным вариантом, чтобы обрести общенациональную и мировую доступность. Именно мировую доступность, ибо, например, русский язык наряду с английским будет рабочим языком приближающегося Международного конгресса по Восточной и Центральной Европе, который пройдет в Токио.

Наконец, я не говорю об огромной и многолетней академической работе по изучению и публикации исторических источников, собраний сочинений отечественных писателей, словарей и энциклопедий и т. д. Без них не только нация не может обладать культурной памятью и идентичностью, но даже статьи в «Википедии» не могут появиться. Хотя некоторые нынешние управленцы думают, что нет нужды в гуманитариях, когда есть в Интернете «Википедия».

По этой причине среди показателей эффективности научного труда ученых Отделения историко-филологических наук (думаю, что со мною согласятся и многие представители социальных наук из двух других отделений РАН) должны быть работы, написанные на русском языке, а их переводы или оригинальные англоязычные публикации должны рассматривать как дополнительные индикаторы в системе оценок. Иначе начнется безумная гонка изготовления суррогатов зарубежных публикаций (уже есть платные фирмы для этой услуги!), и этим в ущербной позиции окажутся ученые, которые пишут только на русском.

Второе. Это о том, как в гуманитарной науке соотносятся журнальная статья и книга, будь это монография, сборник статей или другой коллективный труд. Здесь фундаментальное различие с математикой или с физикой состоит в том, что у гуманитария текст не снимается выводом! Сам нарратив, т. е. само изложение хода событий, описание артефактов, этнографическое описание, изложение фольклорного текста и т. д., имеют самодовлеющее, самостоятельное научное значение. Иначе бы вся историография свелась к хронологическим таблицам. В гуманитарной науке не может быть ситуации, чтобы единственная статья автора или одна формула стали открытием или переворотом в науке. 50 лет ведутся раскопки в Новгороде, изданы сотни книг и только по этой причине мы имеем картину

средневековой Новгородской земли и Руси в целом. Чтобы изложить историю даже важнейших событий Великой Отечественной войны, необходимо написать 10-томный труд. Чтобы изучить на современном полевом и архивном материале историю и этнографию народов бывшего СССР, мне как руководителю проекта пришлось привлечь не менее двух десятков НИИ и несколько сот специалистов и за 20 лет написать сообща 25 томов.

Замечу, что для написания больших коллективных трудов требуется создание монографий и в большом количестве. Только руководимый мною институт ежегодно издает не менее 50 монографий! Может быть, кто-то считает, что это изжившая себя форма научного труда, а при нынешних возможностях с изданием нет ничего проще написать и опубликовать книгу. Это ошибочное мнение. Чтобы выполнить монографическое исследование, необходимы более высокая квалификация и гораздо больше интеллектуальных усилий, не говоря уже о времени, которое измеряется не месяцами, а годами.

Монографии всегда были и остаются сегодня главной формой реализации научного труда ученого-гуманитария. Это общая картина по всему миру. В США по антропологии и этнологии каждые 60 минут публикуется новая монография. Во всех солидных зарубежных научных журналах по гуманитарной тематике номера журналов содержат 3—5 статей и 20—30 рецензий на опубликованные новые научные монографии. В лучших университетах профессора учат студентов не по учебникам, а по монографиям, предписывая им каждые две недели готовить рефераты по прочитанным книгам.

Что касается многотомных коллективных трудов, то это также не отрывок советского идеологического опыта. Многотомные истории России писали Карамзин и Соловьев, были созданы в СССР и сейчас создаются многотомные всемирные истории, есть многотомные американские, британские и французские публикации. Наше Отделение начинает крупный проект по созданию академической 20-томной истории России. Ну, и как это будет отвечать сочиняемым ныне показателям эффективности? Вопрос более чем серьезный.

По этой причине в перечне оценок эффективности труда ученого и научных коллективов гуманитарного профиля на первом месте должно стоять создание ученым монографических исследований и участие в коллективных трудах. В первых вариантах нормативных документов ФАНО этого показателя не было вообще!

Кажется, 31 июля был последний день подачи предложений по созданию системы измерения эффективности научного труда и научных коллективов. С опозданием на 28 минут отправляю Вам это письмо. Ученый и его труд не всегда укладываются в строгие рамки как времени, так и показателей.

Искренне, академик Валерий Тишков
01.08.14

Приложение 5

Постановление бюро отделения историко-филологических наук. Документ доступен на сайте «Реорганизация Российской академии наук 2013. Хронология, мнения, протесты; наука в РАН»²⁶.

г. Москва, 16 октября 2013 г. № 62

Об оценке научной деятельности институтов гуманитарного профиля

Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук (ОИФН РАН) в связи с разработкой Министерством образования и науки РФ системы оценки результативности деятельности научных организаций рассмотрело вопрос об использовании наукометрических показателей для оценки эффективности работы научных организаций историко-филологического профиля и отмечает следующее.

Предлагаемая Министерством образования и науки РФ система оценки деятельности научных организаций, нацеленная на увеличение доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science), основана на преимущественном использовании наукометрических показателей, в число которых входят индекс цитирования, индекс Хирша, импакт-фактор журнала и др.

ОИФН РАН констатирует, что использование наукометрических показателей не может служить основой для адекватного определения значимости и качества исследований, выполняемых в институтах гуманитарного профиля, и не дает необходимых ориентиров для оценки результативности деятельности научных учреждений историко-филологического направления. Наукометрические методы не учитывают специфику гуманитарной науки и особых форм представления результатов исследований в этой области. Использование формальных показателей, в том числе индекса цитирования, может быть продуктивным лишь для тех научных дисциплин, где развитие науки реализует себя как цепочка открытий, следующих одно за другим и требующих быстрой реакции в профессиональной среде, а основной формой представления итогов проектов являются статьи в научных журналах.

Специфика историко-филологических наук заключается в том, что они нацелены не только на получение новых знаний, но и на поддержание культурных традиций общества, сохранение и реализацию его культурного наследия. Фундаментальные исследования здесь носят преимущественно многографический характер, одной из важнейших форм научной работы является создание и обновление базовых ресурсов, необходимых для поддержки культуры и гуманитарного знания: академические многотомные словари, издания памятников классической литературы и фольклора, комментированные публикации исторических источников, древних памятников письменности, каталоги археологических материалов, фундаментальные интернет-ресурсы (например, Национальный корпус русского языка), научные экспедиции, справочные и картографические издания, научные отчеты об экспе-

²⁶ Источник: ОИФН РАН: Об оценке научной деятельности институтов гуманитарного профиля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saveras.ru/archives/3691> (дата обращения: 05.08.2018).

диционной деятельности. Эти публикации, удовлетворяющие важнейшие запросы общества, обращенные к гуманитарной науке, не находят отражения в индексе цитирования, их качество и востребованность не могут получить оценку на основании наукометрических показателей. Внедрение наукометрического подхода для оценки результативности деятельности научных учреждений историко-филологического профиля окажет деструктивное воздействие на сложившиеся в этой области формы организации научных проектов и представления их результатов, дезориентирует ученых.

Опыт внедрения наукометрических систем оценки в учреждениях историко-филологического профиля в странах Западной Европы и Америки (Англия, Франция, Финляндия, Канада и др.) оказался неудачным; в настоящее время происходит отказ от использования индекса цитирования (а также индекса Хирша, импакт-фактора журнала) для мониторинга состояния гуманитарных дисциплин. Установка на отказ от использования библиометрических данных в оценке гуманитарных дисциплин официально принята в настоящее время в Великобритании; в США библиометрические данные относятся к второстепенным факторам и могут быть использованы только как подтверждение независимой экспертной оценки. В настоящее время в зарубежной науке и в области управления научной деятельностью окончательно оформился переход к внедрению в отношении гуманитарной науки системы экспертизы, основанной на анализе содержания и качества исследований, как наиболее рационального и эффективного метода оценки результативности деятельности научных организаций.

Бюро Отделения историко-филологических наук РАН ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Считать необходимым при оценке результативности деятельности научных организаций гуманитарного профиля отказаться от использования наукометрических показателей и заменить их содержательной экспертизой результатов научной деятельности с привлечением независимых экспертов, в том числе из числа авторитетных зарубежных ученых.

Со своей стороны ОИФН РАН готово принять участие в разработке вопросов оценки деятельности научных учреждений гуманитарного профиля.

Академик-секретарь
Отделения историко-филологических наук РАН
академик В. А. Тишков

Начальник отдела—заместитель академика-секретаря
Отделения историко-филологических наук РАН
по научно-организационной работе
кандидат филологических наук В. Б. Черкасский